

ЗАВОЕВАНИЕ АХАЛ-ТЕКИНСКОГО ОАЗИСА

Исторический очерк.

(Предлагаемая статья составлена по источникам об ахал-текинской экспедиции, появившимся до настоящего времени в России. Из них важнейшие: Русские в Ахал-Техе 1879 года. В. Тугана-Мирзы-Барановского; Ахал-текинский оазис, статья М. Анисикова «Вести Европы», № 5 и 6. 1881 г., Ахал-текинская экспедиция, корреспонденция г. Б. «Голос», №№ 82, 85, 95, 101, 105, 110 и 117; Из Закаспийского края, корреспонденция в „Новом Времени»; Ахал-текинские женщины, г. Попович-Липовца; Штурм Денгли-Тене, г. Демурова. «Истор. Вестн» № 3, 1881. и др.).

Ende gut — alles gut.

I.

Ахал-Теке и роковые пути истории.

Русские завоевания в средней Азии идут быстро. В 1869 году, полковник Столетов, в составе отряда которого находится штабс-капитан Скобелев, высадился в Красноводском заливе и, разбив свою ставку за косою, отделяющей этот залив от Каспия, основал город Красноводск. Занятый край представлял безводную, солончаковую пустыню, кое-где взволнованную, лишенными растительности, выжженными солнцем холмами и возвышенностями, которые по своему суровому и неприветливому очертанию мало оживляли эту скучную местность.

Шестьюдесятью верстами южнее Красноводска, против одной из кос нефтяного острова Челекена, был в то же время построен [578] редут, названный фортом Михайловским, местоположение которого не разнообразилось даже и теми прибрежными холмами, которые хотя сколько-нибудь скрашивали у Красноводска общую монотонность занятых нами степей. Голый песок окружал этот скучнейший пост на скучнейший берегу скучнейшего из морей земного шара. Но в 200 верстах от Михайловского, по направлению прямо на юго-восток, начиналась полоса плодородной земли, столь во всех отношениях прекрасной, что жители ее уверяли, будто Адам, по изгнании его из рая, выбрал именно этот оазис для своего нового поселения, так как нигде не нашел ни лучшего места, ни лучшей почвы как местность и почва оазиса Ахал-Теке, расположенного по скатам и вдоль подошвы не особенно высокого горного кряжа Копет-Дага, вершина которого определяет в этом месте границу ханств Буджкурта, Дерезегез, и Келят, находящихся в вассальной зависимости от Персии.

Характер южного и северного склонов этого кряжа не одинаков. С персидской — южной он образует пологие скаты, спускающиеся террасами и дающими начало нескольким значительным рекам, образующим в

последствии реку Атрек, низовья которой и составляют нашу границу с Персией. На северной стороне Копет-Даг имеет более суровый характер; крутые, обрывистые скаты большей частью не доступны, но вместе с этим, он же дает начало многим (числом до 35) горным ручьям и источникам, со светлой, прекрасной водою, присутствие которой и составляет главное богатство и достоинство Ахал-Текинского оазиса. Благодаря только этой влаге и превосходному искусственному орошению, глинистая почва оазиса делается способной к обработке и дает две жатвы в год, тогда как соседняя Каракумыкская пустыня не производит даже колючки — растения, которым умудряются питаться верблюды. Весь оазис имеет около 200 верст длины, начинается выше аула Кизил-Арвата (500 киб.) и доходит до аула Гяурс (40 киб.); но за то ширина его, не превышая вообще 10 верст, во многих местах суживается только до 4-х. Ручьи горных ключей, вытекая из горных расселин на равнину, пропадают в песках Кара-Кум, непосредственно примыкающих с севера к оазису.

Вот эта-то полоса земли, в результате блистательной победы генерала Скобелева, одержанной им через 12 лет после высадки и основания полковником Столетовым Красноводска, ныне присоединена к землям обширного Российского государства.

На этот раз, однако, победителям Туркестана и Ферганской области — войскам, штурмовавшим Ташкент, Самарканд и Хиву, завоеванию Ахал-Текинского оазиса досталась не даром. Первый раз русский солдат встретил среди пустынных степей средней Азии достойного себе противника в лице текинца, и потому-то, более чем когда-либо, обыкновенные мотивы вашего наступления в [579] этот далекий край покажутся будущему историку недостаточными. Защита мало или вовсе не принадлежащих нам кочевников гокланов, джафарбаевцев, аттабаевцев и иомудов — мотив, очевидно слишком бедный для объяснения причин, вызвавших новый подвиг русских войск, для оправдания тех огромных трат, которых потребовало от русской казны новое расширение и без того куда выше нужды и меры расширенных во все пустынные стороны владений наших, и даже совсем не объясняющий самого присоединения к нам этой далеко выступающей волосы земли, весьма уязвимой (как показывает прошедшее) со стороны Хивы, Мерва и Персии. Понятно, что если защита иомудов и аттабаевцев от текинцев обошлась нам так дорого, то защита новых подданных — текинцев от персиян может стать еще дороже и потребовать еще больших жертв, без всякой надежды на вознаграждение. Между тем, свидетелями, что не всегда текинцы обижали Персию, служить например рассказ Бульгера о коварном нападении губернатора Ширвана, родственника Нур-Верды-хана, на текинский караван, отправленный в Буджнурд с богатым выкупом за пленных, уведенных персиянами в 1859 году, нападение, которое, по показанию Бульгера, повело к несчастному походу Нур-Верды в Персию, после которого ему а пришлось бежать из Теке в Мерв, опасаясь мести недовольных его распоряжениями соплеменников. Но если мы шли под стены Геок-Тепе не для защиты иомудов и наказания хищников и даже не для прямого завоевания оазиса, который, при всех его достоинствах, вряд ли может прельстить вас так, как некогда прельстил Адама, то причины похода все-таки остаются непонятными. Между тем, что интереснее непонятного?

Желая, в интересах исторической истины, открыть действительные мотивы штурма и осады Геок-Тепе — лица, писавшие по этому поводу, останавливаются на роковых путях исторического хода мировых событий!

Прекрасное объяснение, если бы оно было хоть сколько-нибудь осязательно понятно. К несчастью, роковой ход мировых событий — звонкая фраза, под которой кроется весьма разнообразное содержание, и лучшим

доказательством тому может служить разногласие двух авторов, трудами которых мы пользуемся для составления этой монографии.

Участник первого похода, в качестве рядового Переяславского драгунского полка, В. А. Туган-Мирза Барановский, автор прекрасной книги «Русские в Ахал-Теке 1879 г.», говорит о роковом ходе событий следующее:

«Единственная причина вашего похода в Текинский оазис есть ваше соседство с ним. Соседство же цивилизованного государства с нецивилизованным, на основании исторического закона, должно всегда кончаться полным подчинением последнего первому». [580]

Участник второго похода, в качестве начальника железнодорожных сообщений в тылу отряда, генерал М. Н. Анненков, в статье «Ахал-текинский оазис» («Вестник Европы» № 5, 6), опровергает это мнение так:

«С первых времен истории, в мире совершается два великих движения: один влекло некогда род человеческий с востока на запад, другое же возвращает его с запада на восток; первое из этих движений, с которым связаны великие переселения, наполнившие запад Европы народами Азии, началось, вероятно (?!), еще задолго до исторических времен; второе, открывшееся троянской войной, продолжаемое государством Александра, римской империей, крестовыми походами, открытием мыса Доброй Надежды (и, прибавим от себя, осадой Геок-Тепе), существует и до настоящего времени».

Затем генерал Анненков продолжает:

«Без сомнения (!), тут оказывается какая-то историческая необходимость, какой-то закон, который еще неизвестен, но который тем не менее существует и неумолимо подчиняет себе судьбу народов!»

Не слишком ли, однако, все это безусловно, да и действительно ли несомненны роковые пути истории, на которые указывают оба автора?

Путь г. Т. М. Барановского — роковое влияние разно-культурного соседства — сомнителен, по причине слишком широкого понятия о соседстве. Целое море и 200-верстная степь отделяют ближайшие торговые центры России от завоеванного оазиса, — что же уж это за соседство? Если же сила рокового значения закона так велика, что даже культура Красноводска и форта Михайловского могла влиять на необходимость покорения страны, крайняя точка которой отстоит от него на 400 верст, то где же предел нашего наступательного движения в Азии, в силу высоты нашей культуры над соседней, понимая последнюю отстоящей на 200, 300 и даже 400 верст от последнего казачьего разъезда, или от места расположения последней линейной роты? Не ясно ли, что при таком широком применении исторического закона,

экспедиция не могла бы иметь конца и рядом с этим начало ее не имело бы обыкновенного (а не исторического) смысла для современников!

Путь г. Анненкова — еще более не ясный путь. Бесспорно, его исторический закон универсальнее и общее закона разно-культурного соседства, но в такой же мере и непонятнее. Положим, что завладев Грузией, нам пришлось — частью, действительно, роковым путем соседства, завладеть наконец и Дагестаном, но вряд ли покорение Грузии Россией есть результат того же громадного инстинктивного возвращения человечества на восток, которое подчиняло себе и честолюбивые планы Александра Македонского, и походы римлян в Иудею, существует или нет несомненная историческая необходимость в этих «vat» и «vient» с запада на восток исторически известных народов, — для наших действий [581] совершенно безразлично. Если такой универсальный и на громадном пространстве времени действующий закон и существует, то влияние его на наши сегодняшние поступки, деяния и их ближайшие причины, не более влияния космического закона тяготения. Это есть простое влияние среды действия, на которое могут указывать только крайние фаталисты, с точки зрения которых ли не можем даже и понять надобности каких либо исследований и изысканий.

Вот почему нам кажется, что объяснять завоевание Ахал-Текинского оазиса той же причиной, как и открытие мыса Доброй Надежды — значит вовсе ничего не объяснить, и если бы кроме исторически-роковых путей господ Барановского и Анненкова не существовало других, более осязательных объяснений, то завоевание оазиса представлялось бы голой загадкой.

По счастью, для нас есть еще путь исторической необходимости, более ясной, чем путь разно-культурного соседства, и более близкой, чем закон, которому люди подчинялись еще во времена доисторические.

У Англии, сильной на море, и России, сильной на континенте, — нет удобного поля брани, на котором можно было бы, пропорционально действительным силам этих держав, разрешить некоторые противоречивые интересы. С течением времени, необходимость эта (чувствуемая уже очень давно) делается очевиднее и все ближе и ближе тянет к развязке. Вот почему за последние годы, как указывают господа Костенко и Мартенс, обе державы как-то невольно сближают свои среднеазиатские владения, и притом в таких местах, где ни той ни другой самые покоренные страны с их народами не обещают решительно никаких выгод. Отсюда становится совершенно понятным, с каким вниманием следит Англия за нашими походами в степях разных кочевых неудобно называемых народов, как искренно считают наше поражение — своей победой, нашу победу — своим поражением.

С точки зрения вот этой, так же роковой исторической необходимости — последнее русское завоевание приобретает громадный исторический интерес, становится в ряды подвигов народа, плодами которого воспользуется отдаленнейшее его потомство.

Разумеется и мы, подобно г. Анненкову и всем здравомыслящим людям, отнюдь не принадлежим к числу лиц, готовых ежеминутно воевать с Англией и считающих для России выгодным все то, что неприятно коварному Альбиону. Но рядом с этим, не считаем выгодным недоговаривать то, что и без того очевидно

массе. В Англии на этот счет гласности гораздо более, чему лучшим доказательством может служить книга Бульгера, в которой не только англо-русское столкновение считается неизбежным, но и место его определяется с достаточной точностью и прямоотой. С другой стороны, возможно, что дело станет ясным без личного [582] столкновения двух европейских антагонистов на северной грани Индостана, путем прямого влияния на аборигенов этих стран, и тут-то, может быть, суждено русской человечности, терпимости, здравому смыслу — одержать высшую, хотя в прямом смысле бескровную победу над предприимчивостью, торгашеством и купеческой алчностью высококультурных англичан.

Думая так, мы, разумеется, полагаемся на прочность рокового исторического закона г. Туган-Мирзы-Барановского, не оставляющего нам никакой надежды на успех в борьбе с будущим архи-культурным соседством индейского Альбиона, но посягательство это оправдывается способностью русского солдата не только покорять страны, но и сердца их обитателей, даже столь храбрых и воинственных, как сердца новых наших сограждан в оазисе Ахал-Теке.

Оставив поэтому истории следовать по начертанному ей роковому пути событий, сами вернемся к факту завоевания и всем его поучительным для будущих времен деталям.

II.

Поход на халатников.

Военного уважения, которым пользуются в настоящее время текинцы, вовсе не существовало в то время, когда пароходы общества «Кавказ и Меркурий» один за другим подходили к плоскому берегу Чикишляра и с большими трудностями высаживали войска и тяжести, необходимые для проложения роковых путей истории. Роковые пути эти тогда казались шуткою и предстоящая война с «халатниками», не пугая никого, причислялась скорее к образовательным военным экспедициям, в которых войска учатся военному делу и путем небольших потерь, кое-каких лишений и трудов, добиваются хорошей практики и недурной славы.

Аул Чикишляр, принадлежавший иомудам и послуживший операционным пунктом экспедиции, впервые был занят нами в 1871 году, во время хивинского похода, с целью более удобного приобретения у кочевников верблюдов. С тех пор его оставляли и занимали несколько раз во время рекогносцировок по р. Атреку, во 20-го сентября 1878 года, он был занят окончательно, превращен в небольшое укрепление и снабжен постоянным гарнизоном. Как морская пристань, Чикишляр был в высшей степени невыгоден. Суда могли останавливаться только верстах в пяти от берега, на совершенно открытом для всех ветров рейде, что крайне затрудняло выгрузку, которая могла производиться только с помощью туркменских лодок, получавших по 2 р. в день рабочий [583] и по 1 р. в день прогула. Кроме того, Чикишляр не редко затопляется, что и случилось, во время пребывания там экспедиционного отряда два раза, 7 и 11 июня, при чем первое наводнение, случившееся ночью, сильно перетревожило весь лагерь, внезапно очутившийся в воде. Не смотря, однако, на все эти неудобства, Чикишляр был выбран, как базис для предстоящих действий потому, что войска, двигаясь по р. Атреку, не должны были страдать от безводия, так как до оазиса был только один переход без воды, не

более 40 верст долиною, тогда как при движении из Красноводска, представлявшего все выгоды хорошей морской стоянки для судов, войскам угрожал поход по безводной местности почти в 200 верст. Кроме того; генерал Лазарев рассчитывал, двигаясь вдоль границы Персии, иметь везде готовый провиант, доставка которого даже отдана была персидским подрядчикам. Последний расчет не оправдался только благодаря проискам англичан при тегеранском дворе, откуда последовало приказание усилить пограничные кордоны и запретить всякое сношение с русским экспедиционным отрядом.

Войска начали прибывать к Чикишляру с апреля месяца и к июню маленький аул разросся в порядочный приморский городок, где шла оживленная деятельность, происходила торговля, и не только предметами первой необходимости, но даже ювелирными изделиями и фотографией. 1-го июня, командующий ахалтекинским экспедиционным отрядом, генерал-адъютант И. Д. Лазарев, выехал со штабом из г. Баку и на следующий день прибыл в Чикишляр. Вслед за ним прибыл отряд «Красного Креста» г. Сараджеева с двумя докторами и 9 санитарями. Снабдив околотки всех частей войск всем необходимым, 17-го июня часть отряда выступила в Чат для устройства госпиталя, причем в самом Чикишляре оставлено было отделение на 200 кроватей.

На смотре генерала Лазарева, произведенном отряду, в строю находилось 16 батальонов пехоты (по мирному положению), 18 сотен иррегулярной и 2 эскадрона регулярной кавалерии, 26 орудий, ракетная батарея и рота сапер, — т. е. такая сила, которую еще никогда не посылали воевать с халатниками. Тотчас после смотра, решено было выслать вперед авангард, для устройства спусков к рекам Атреку и Сумбару, рытья колодцев и т. п. в составе 3 батальонов, 5 сотен кавалерии при 2 горных орудиях, начальником которого был назначен флигель-адъютант полковник князь Долгорукий.

Авангард выступил из Чикишляра 6 июня, и с этого числа следует считать начало злополучного для нас похода. До укрепления Дуз-Олума авангард этот двигался почти безостановочно, устраивал кое где спуски к рекам Атреку и Сумбару, прокладывая дороги и занимаясь рытьем колодцев. Только на перевале через [584] горный отрог Бек-Тепе пришлось остановиться подолее, и действительно, заняв Тер-Сахан, отряд князя Долгорукова простоял здесь до 15 июля.

Остальные войска почти два месяца после выступления авангарда оставались еще в Чикишляре, и только к концу июля усиленная деятельность вагенбурга заявила о выступлении главных сил. Выступление началось в ночь с 29 на 30 июля колонной графа Борха, в состав которой вошли 4 батальона пехоты, полу-батарея пешей артиллерии и 4 горных орудия: Кавалерия, в составе 2 эскадрон драгун, сотни казаков, полу-батареи конной артиллерии и ракетной батареи, под начальством князя Зейн-Вит-генштейн-Берлебургга, выступила к 6 часам утра 31 июля.

Сам генерал Лазарев, уже пораженный смертельною болезнью, выехал из Чикишляра в коляске 10 августа; 13 он прибыл в Чат, где у него открылись еще два карбункула. Не смотря на это, он все-таки хотел продолжать путь, не желал задерживать долее движение отрядов, но неожиданно для всех, в ночь с 13 на 14 августа, началась агония и он скончался в Чате в 4.30 часа утра 14 августа. Отряд остался под временным начальством лиц, обладавших храбростью и энергией, но не имевших той боевой опытности и боевой

выдержки, которой в такой значительной степени обладал испытанный вождь кавказского воинства Иван Давыдович Лазарев, которые в войне с неизвестным неприятелем так особенно необходимы. Детали походного движения главных сил графа Борха и князя Витгенштейна до вступления в Ахал-Текинский оазис немногосложны. Путь следования всех трех колонн ясно чертится по карте (Приложенная карта к статье г. Демурова в Мартовской в книжке «Историч. Вестн.» вполне достаточна для полного представления походного движения наших отрядов.). Колонны при наступлении из Чикишляра направлялись к югу на колодцы Беюн-Баши, и затем следовали вверх по течению Атрека до укрепления Чат. Пространство это, имеющее около 170 верст, пройдено в 6 суток считая в том же числе и дневку. В Чате войска несколько отдохнули и направились на укрепление Дуз-Олум, перевалили через гору Бек-Тепе и к 15 августу сосредоточились у Тер-Сахана, небольшого аула туркмен-гокланов, расположенного на левом берегу р. Сумбара. Здесь было получено горестное известие о смерти генерала Лазарева и о принятии начальства над экспедицией генерал-майором Ломакиным. Вообще, весь поход был тягостен и однообразен. Первые же шаги показали неумение солдат обращаться с верблюдами, что вело к бесполезной мучке этих несчастных по судьбе, неприхотливых и невзыскательных, кораблей пустыни. Вода в колодцах оказывалась или гнилой, если застаивалась, или нередко горько-соленой. Вода Атрека и Сумбара [585] походила на желтую грязь с огромным осадком глины, а войска не имели квасцов с помощью которых очищение таких вод столь просто. Жара и жажда, вызывавшие миражи, сильно утомляли людей и животных. Появилась дизентерия, с первых же дней доставившая чатскому госпиталю зловещую репутацию. Верблюды и лошади падали от недостатка корма, люди изнемогали от жажды и жары и нередко поражались солнечными ударами. В Тер-Сахане ко всему прочему присоединились нестерпимые ночные холода, повлекшие к простудным и лихорадочным заболеваниям. Санитарное состояние отряда было бедственно.

Начиная с Бек-Тепинского перевала, пустынная равнина уступила место высоким, опасным, но столь же неприветливым и лишенным всякой растительности холмам. Ни кустика, ни деревца, ни зелени! Только кое-где в глубине ущелья, по которому протекала жидкая грязь реки Сумбара, попадалась верблюжья колючка, зеленела кое какая ничтожная травяная растительность. Между тем, эти голые глыбы известняка, эти песчаные скаты, кишели отвратительной для человека жизнью ядовитых гадюк. Змеи всех пород, ящерицы, хамелеоны, тарантулы, скорпионы и фаланги, поминутно показываясь на раскаленной поверхности и снова куда-то исчезая, еще более расстраивали нервы непривыкшему к таким безотрадным картинам русскому воинству.

Но воинство не унывало и шло, боясь только, чтобы неприятель не удрал раньше стычки и тем не превратил всего похода по «проклятому» месту в бесплодную и безрезультатную рекогносцировку.

17-го августа, по приказанию генерала Ломакина, войска отряда выступили из Тер-Сахана на колодцы Маргел и оттуда на Хаджа-Кала и к 20-му августа соединились в укреплении Бендесене, на перевале через Конет-Даг в обетованный оазис.

III.

В погоне за славой.

Начальник авангарда, флигель-адъютант полковник князь Долгорукий, которому принадлежит главная роль в действиях окончивших поход на халатников, из всех хороших военных правил усвоил себе безусловное блохеровское «vorwärts», но забыл при этом, что наступление вперед и вперед — не единственное правило, которое необходимо знать военному начальнику. С самого выхода из Чикишляра, он летел к победе, одна задерживаясь на серьезных перевалах для работ только — только необходимых. Дойдя до Хаджи-Кала, он немедленно же начал энергически [586] действовать. Тут он встретил первую толпу текинцев, оберегавших стада баранов; быстрым налетом пастухи были обращены в бегство, некоторые убиты, а 4000 баранов достались победителю. Заняв Бендесен, князь Долгорукий оставил здесь пехоту и с кавалерией, охотниками и горными орудиями, миновал горный перевал и занял Бами, большой аул (к этому времени покинутый жителями) среди Ахал-Текинского оазиса. Из Бами им же были направлены два конные отряда к Кара-Сигеру и Ниазу, которые нагнали текинцев, разбитых уже под Хаджи-Кала, и отбили у них еще 6000 баранов и 1200 верблюдов. С этими первыми трофеями начальник авангарда, оставив Бами, вернулся к общему сбору в Бендесен.

22-го августа, генерал Ломакин прибыл со штабом к собравшемуся отряду, произвел парад, отслужил панихиду по генералу Лазареве, затем напутственный молебен, и объявил в приказе о вступлении в неприятельскую землю.

По занятии, 24-го августа, укрепленного аула Арчман, русские в первый раз увидели население текинцев, которое в числе 100 семейств выслало на встречу депутацию с изъявлением покорности, так как до этого пункта ни в Бами, ни в Беурме, взрослых и способных к самозащите текинцев не встречалось. Вообще, все население оазиса распалось на три части: аулы Кизиль-Арват и прилегающие к нему мелкие поселения западных текинцев изъявили полупокорность, сохраняя до поры до времени род нейтралитета; жители средней части, за исключением Арчмана, собрались в числе 30000 душ со всеми семьями и стадами у наиболее из укрепленных аулов — Геок-Тепе, лежащего у подножия почти отвесных скал Конет-Дага. Население восточной части оазиса сосредоточилось у Гяурса и Ашхабада.

Миновав Арчман, войска принуждены были идти в полном боевом порядке, так как на следующем же переходе текинцы начали их тревожить внезапными выстрелами из засад и налетами их многочисленной, хотя и плохо вооруженной конницы.

27-го августа, весь отряд стянулся к аулу Яроджа, где предполагали дать ему дневку — но, замечает г. Туган-Мирза-Барановский, боязнь, чтобы текинцы как-нибудь не ушли, вызвала немедленно движение вперед.

Между тем, пехота от самого Бегдесена (4 суток) шла без отдыха и притом едва ли не босая, так как вся обувь ее изнасилась.

— Vonfurts, immer vorwärts! — гласили военачальники, жаждавшие славы, и потому к 8-ми часам вечера 27-го августа, было решено наступать двумя колоннами:

Первая — авангардная, в составе 3-х батальонов (во 200 человек в батальоне), 6 малых орудий и 4 эскадронов кавалерии, [587] под начальством князя Долгорукова, должна была выступить в 2 часа по полуночи. При этой колонне находились командующий отрядом и князь Витгенштейн.

Часом позже, следовало выступить второй колонне, графа Борха, с главными силами, которые составляла: 3 батальона пехоты и рота сапер, 8 орудий и сотня кавалерии.

Наконец, еще часом позже, назначалось выступить вагенбургу, под прикрытием 6-ти рот пехоты, 2-х орудий и сотни казаков. На рассвете туманного и рокового для нас 28-го августа, эта диспозиция стала приводиться в исполнение. Ровно в 2 часа пополуночи, пехота колонны князя Долгорукова двинулась в поход и через полчаса за нею последовала и кавалерия.

Расстояние между Яроджей и Геок-Тепе предполагалось в 12 верст, между тем, это расстояние оказалось вдвое больше. Дорога большей частью была ровная, но не доходя 10 верст до укрепления текинцев, начинались довольно высокие холмы. Только что передовые войска перевалили через эти возвышенности, как текинцы, в числе 2000 человек, начали фланговые и тыльные атаки па подступавшие войска. Эти атаки, мало приносившие урона, однако настолько задерживали наступление, что колонна князя Долгорукова подошла к Геок-Тепе только в полдень, т. е. до начала боя находилась в пути 10 часов без питья и пищи.

Посмотрим же, что этим войскам поручили сделать. Укрепление Геок-Тепе представляет прямоугольник, длинные стороны которого имеют около 700, а короткие около 450 сажен. Северные и западные его стороны ограждены двумя параллельными валами, из которых перед наружным, имеющим около 3 сажен высоты, находился ров в 2 сажени глубиною, затем на некотором расстоянии тянулся водяной ров, сзади которого был насыпан еще вал, вышиной в одну сажен. С восточной и южной сторон укрепление окружено полями джунгары (род кукурузного растения), сзади которых имелась невысокая (около 3 фут.) глиняная стенка с треугольным ровиком впереди. Такой же стенкою отделялся также почти квадратный «загон», примыкающий к северо-западному углу крепости и представлявший закрытый ход из крепости в «калу», т. е. квадратный двор, окруженный глиняными высокими (до 5 сажен) стенами, с небольшими ровиками впереди. Кала, примыкавшая к загону, с западной стороны была единственная, но недалеко от нее находилась еще укрепленная мельница, на протекавшем впереди всего фронта крепости арыке. За то с восточной стороны таких кал было три, хотя только одна из них, к моменту штурма, была занята неприятелем (Такое описание Геок-Тепе, сопровождая его планом, дает г. Барановский, но оно неверно, судя по позднейшим сведениям и точным съемкам топографов и инженеров отряда генерала Скобелева. Но так как между 28 августа 1879 и 12-м января 1881 года текинцы могли многое изменить и деталями укреплений, а г. Барановский дал описание, которое казалось верным штурмующим, то мы и сохраняли его здесь, предполагая в следующем номере «Истор. Веств.» Дать настоящий план этой памятной для нас местности. - прим. В. П.). [588]

Численность этого неприятеля г. Барановский определяет в 15 тысяч человек, но кроме них за теми же валами поместилось еще 12 тысяч кибиток, так что все население укрепления доходило до 30 тысяч. Часть этих кибиток не уместилась внутри крепости, а потому до 400 из них были тесно размещены между первым и вторым валом в шахматном порядке и приспособлены до некоторой степени к обороне.

К полудню 28-го августа, передовая колонна отряда, после 2-х часовой перестрелки с джигитами и наездниками, подошла к крепости. 800 ружей в 6 мелких орудий — вот что составляло боевую силу этого отряда. И те и другие находились в руках людей, в высшей степени взмученных жаждой, жарой и усталостью. Подойдя к Геок-Тепе, генерал Ломакин тотчас же выдвинул 6 орудий отряда на позицию и приказал открыть огонь по мельнице и кале, составлявшей северо-западный угол укрепления. Огонь наших орудий, снаряды которых попадали в густые массы текинцев, находившихся за валами, производил ужасающее опустошение. Видя эти потери среди жен и детей своих и не желая умирать массами, текинцы сделали вылазку. Генерал Ломакин приказал играть наступление и наши батальоны, опрокинув нестройные полчища «халатников», ворвались в середину первой кали. К этому же времени часть кавалерии, под начальством князя Голицына, обскакала укрепления с севера на восток и заняла спешенными драгунами калу, занятую на восточной стороне текинцами.

Можно себе представить, какие опустошения производили снаряды наших орудий, попадавшие в густое население, собравшееся за стенами крепости. Вот почему нет ничего невероятного в показаниях некоторых, что еще в начале боя часть текинцев выходила из крепости с изъявлением покорности; но генерал Ломакин потребовал, чтобы сдались муллы и ишаны, без чего не соглашался прекратить огня. Тогда часть женщин в детей попробовала выйти из крепости на восток, но и эта попытка была парализована кавалерией князя Голицына.

Халатникам оставалось только... умирать. Между тем авангард, хотя и с успехом, но уже дрался 3 часа, а главные силы еще только подходили. Казак, посланный за ними, был убит, а начальник главной колонны, граф Борх, не мог не дать отдыха своим людям, решительно изнемогавшим под палящим зноем.

К трем часам, эти войска, находившиеся в пути 12 часов, подошли к укреплению и тотчас же стали занимать позицию. [589]

Размещение всех войск отряда (1300 человек) перед штурмом было крайне просто. Они разместились на равных дистанциях, часть от части в 500 шагах, против западного и северного фасов возвышавшегося перед ними укрепления. Слабые части кавалерии наблюдали за восточной и южной его сторонами. Позади пехотных частей стояла артиллерия, против каждого фаса по 8 орудий. Ровно в 5 часов раздался сигнальный выстрел из 4-х орудий и войска дружной массой бросились на крутые откосы стоявших перед ними валов.

Но в тот же момент на вершине тех же валов вдруг выяснилась фигура муллы в развевающейся одежде, с Кораном в руке, произносившего священное заклание. По его призыву из разных выходов укрепления на русские батальоны (!!) бросилась масса фанатизированных храбрецов, раз в пять превышавших число штурмующих. На каждый штык приходилось 5 — 6 шашек, стрелять было некуда, так как наши войска утопали в нахлынувшей толпе текинцев. Началась ужасающая свалка! Мужество русского воинства было подвергнуто страшному испытанию. Войска наши, застигнутые врасплох, думавшие более о том, чтобы халатник не бежал, и вовсе не ожидавшие такого энергического нападения и притом измученные, стойко выдержали удар этой, внезапно налетевшей на них, лавины. Но масса взяла свое, горсть храбрецов должна была, наконец, уступить — и в это-то критическое время только хладнокровие русской артиллерии, не потерявшей в общей суматохе в суетне и подпустившей отчаянную атаку текинцев, под предводительством Берды-Мурад-хана, на 16 сажен, спасла отряд от возможного окончательного его истребления.

Пять метких картечных залпов, из которых одним был убит Берди-Мурад-хан, остановили отчаянную атаку текинцев и заставили их снова искать убежища за валами крепости.

Мы пишем не военную историю, и потому опускаем множество поразительнейших деталей этого чрезмерно энергического штурма. Читатели «Исторического Вестника» уже имеют понятие о причинах неудачи, постигшей генерала Ломакина под стенами крепости «халатников», из правдивой статьи г. Демурова, одного из участников злополучного штурма. В книге г. Т. М. Барановского, подробностей, детальных сведений о действии каждой части войск и едва ли не каждого из офицеров, находится еще более (Замечу для библиографической точности нечто по адресу автора брошюры «Русские в Ахал-Теке 1879 г.». У него Переяславским драгунам отведена слишком активная роль в злополучном штурме. Бесспорно, это один из лучших кавказских полков, но все-таки трудно верится, чтобы они всюду поспевали, являясь то кавалерией, то пехотой, скакали в атаку, ходили в штыки и, главное, везде являлись главными вершителями дела. Увлечение сослуживца простительно, любовь к своему знамени — необходимая доблесть военного, но правдивый историк все-таки должен усмирять в себе военного. Так, например, после такого штурма, как штурм 28-го августа, трудно поверить следующему свидетельству автора. Описывая возвращение на бивак заблудившихся при отступлении Переяславцев, г. Барановский пишет: «Точно гора с плеч свалилась у всех; «драгуны вернулись!» пронеслось по отряду и все свободно вздохнули... все оживилось» (стр. 125). Что обрадовались — это верно, но чтобы оживились и свободно вздохнули — навряд! - прим. В. П.). Но все [590] это, имея высокий личный интерес и сохраняя достаточную чисто военную поучительность, все-таки мелко в изложении крупного исторического факта, и потому мы выпускаем эти подробности.

Пусть вспомнить читатель рассказ г. Демурова, как отступавшие под натиском халатников солдаты, падая от изнеможения и усталости, обращали к не менее их измученным офицерам свои отчаянные жалобы:

— Ваше благородие, моченьки нет! Ваше благородие, патронов нет! Ваше благородие, водицы бы испить!

Пусть вспомнит он эти крики, великие по своей простоте и выразительности, и этого будет достаточно, чтобы вполне верно оценить размер понесенного нами поражения. Цифры потерь немного прибавят к этому. Из 1300 человек сражавшихся, убыло 26 офицеров и 426 нижних чинов убитыми и ранеными, то есть, из трех

бившихся пострадал один. В свою очередь, текинцы потеряли до 2000 человек из числа сражавшихся, и 3000 женщин и детей более или менее пострадали от выстрелов по крепости.

Очевидно, что противники были достойны друг друга, и образ «халатника», живущего в Ахал-Текинском оазисе, путем кровавой драмы 28-го августа, бесследно исчез в нашем представлении о текинцах.

IV.

Возвращение.

Легко господам стратегам в своих положениях, имеющих всегда перед глазами условия европейских войн, писать правила об отступлении в порядке. Интересно было бы послушать, что бы они посоветовали злополучной горсти измученных, обессиленных людей, перед которыми находится победитель в 5 — 6 раз их сильнейший, а сзади тянется 400 верстная пустыня, отделяющая их от операционной базы? Как в этом случае отступить в порядке, если на руках этих же воинов находятся еще 250 человек изувеченных в бою товарищей?

В теории — такое отступление немислимо, но на практике делают то, что можно, не задаваясь далекими целями, полагаются на судьбу и случай, стараясь более инстинктивно, чем умственно, поскорее выйти из сферы, ближайшей из всех угрожающих опасностей. [591]

К 8 часам вечера 28-го августа, разбитый отряд генерала Ломакина, отступая со всех пунктов, стянулся у мельницы, расположенной на дальнем арыке, в трех верстах от крепости. Идти далее не было физической возможности и потому отряд остановился. Из предосторожности не приказало было разводиться костров, а солдаты остались без горячей пищи, а верблюды и лошади без поила. Наступила прохладная темная южная ночь. В лагере царствовала угрюмая тишина, прерываемая иногда только стонами раненых или ревом голодных и непоеных верблюдов. Сначала еще не знали, что будет утром, повторение ли штурма или отступление. Господин Туган-Мирза Барановский сомневается в необходимости отступления, г. Демуров — признает его неизбежным. Факты решают разногласие в пользу последнего. Именно потому, что в текинцах видели простых халатников, а узнали в них воинов в тот момент, когда уже ничего нельзя было поправить, — защитники Геок-Тепе одержали не только материальную, но и нравственную победу над русскими. Может быть, учащенной стрельбой по семьям текинцев можно было заставить их покинуть крепость, но отряд генерала Ломакина не мог уже завоевать оазис, — он почувствовал свою слабость, а это чувство есть главное основание неуспеха всякого, а тем более военного, дела.

Отступление было неизбежно, и только впечатлению богатырей, произведенному нашими войсками на текинцев, следует объяснить сравнительно счастливый характер этого отступления. Зная и видя, какую цену покупается победа над русскими, текинцы с удовольствием построили нам золотой мост отступления,

по всем правилам, рекомендуемым в стратегии генерала Леера. Они вежливо, но постоянно преследовали отряд, как бы приглашая его удалиться из оазиса.

Справедливость таких соображений подтверждается еще более оценкою отряда генералом Тергукасовым, прибывшего 19-го сентября в укрепление Чат и после смотра решившего невозможным продолжать с теми же войсками экспедицию.

Очевидно, действительное значение поражения при Геок-Тепе понимали и те, которые еще накануне так спешили не упустить случай немедленно наказать текинцев, и потому утро принесло категорическое приказание отряду: отступить!

Но даже и по золотому мосту, отряду, более конвоируемому, нежели преследованному, отступить было трудно, при чем, разумеется, всего более мук и страданий выпало на долю раненых. Санитарных и перевязочных средств было мало. При отряде находился отряд Красного Креста, имевший 10 одноколок, при 9 человеках санитаров. В каждой одноколке помещалось только по 4 человека, а раненых было 248! Кроме 40 счастливых, попавших в [592] одноколки, 8 человек были упакованы в каруцу, принадлежавшую Переяславским драгунам, а остальные, которые решительно не в силах были идти, привязывались к бокам верблюдов!

У г. Барановского картины этой перевозки выражены весьма рельефно и потому мы позволим себе несколько дословных выписок.

Раненым, помещенным в одноколках и каруце, было сравнительно недурно, покуда ехали по ровному месту; но им приходилось очень плохо, когда путь пролегал по местностям, усеянным камнями.

«При каждом сильном толчке — говорит г. Барановский — они сталкивались друг с другом; нередко от этих сотрясений у раненого сползала перевязка и рана открывалась, причем большой и, до прибытия доктора или фельдшера, истекал кровью. Раз я увидел каруцу, медленно подвигавшуюся вперед; из бокового отверстия ее высунулась по колено чья-то нога и мерно била такт о бок каруцы. Подъехав к ней, я заметил шедшему рядом солдату, чтобы он поправил несчастному ногу. «Да ее, ваше благородие, некуда сунуть». — Как некуда? возразил я удивленно и слез с лошади. Подошел к каруце, заглянул в нее. Боже мой что там делалось! Туловища, руки, головы, ноги — все было перепутано. В первый момент я не мог разглядеть, что кому принадлежит. Солдат почти правду сказал, что висевшую ногу некуда сунуть. Несчастный хозяин ее лежал без чувств и мало о ней заботился».

Каково же было ехавшим на верблюдах?!

«Верблюд, как известно, на ходу двигается иноходью, покачиваясь то в одну, то в другую сторону. Езда на нем в высшей степени утомительна и для здорового человека, особенно с непривычки; какова же она была для раненых, которые вдобавок еще были привязаны веревками, протиравшими им ноги? Вот идет мимо нас верблюд; с боку его привязан раненый солдат с помертвелым лицом; следы запекшейся крови чернеют в нескольких местах на рубашке; он привязан в сидячем положении к подставке. Мерно выступает верблюд, покачиваясь из стороны в сторону, раненый тоже покачивается всем телом, ударяется в такт спиной о седло и испускает глухие стоны, ноги его висят на воздухе, сильно раскачиваясь. Давно уже несчастный их не чувствует, еще на первой версте перехода они у него совершенно затекли. — «Братцы, ослобоните, моченьки моей больше нет, лучше уж помереть». Но бедного солдата нельзя было спят с верблюда, так как пешком он не в силах был идти, вследствие тяжелой раны в животе, а в одноколках не было ни одного свободного места.»

«В первые два дня отступления — прибавляет г. Барановский — когда раненые не были еще рассортированы, многие из них с более серьезными ранами тащились пешком. Между последними были и офицеры. Так, например, поручив лейб-гренадерского Ереванского полка Ардишвилли два дня шел пешком в цепи арьергарда. Его рана весьма замечательна: пуля ударила ему в верхнюю часть правой руки, прошла над лопаткой, задела слегка позвоночный столб, прошла далее над левой лопаткой и вышла наконец наружу. Вследствие этой раны, ему парализовало обе руки, и страшно распухла спина. К концу второго дня отступления несчастный изнемогал и только тут ему дали лошадь, на которой он и поехал далее. Нескольких на наиболее тяжело раненых офицеров солдаты несли на носилках». [593]

А кругом пустыня, днем палящий зной, а ночью до костей пронизывающий холод!

Кроме заботы о раненых, отступление затруднялось еще отсутствием провианта и особенно фуража.

29-го августа, на рассвете, войска отряда начали отступление, построившись в род каре, в голове и хвосте которого находилась пехота и артиллерия, кавалерия с ракетными станками по флангам, а обозы и санитарные повозки в середине. Первое направление дано было на Енгиа-Батыр-кала, по старой дороге, но тут генерал Ломакин нашел удобнее придвинуться ближе к южному краю, с целью обеспечить один фланг от нападения, и потому повернул отряд к Каракарызу. Тут снова отряд, не раздеваясь и не переседывая лошадей, провел тревожную ночь с 29 на 30 августа. Текинцы на этом первом переходе мало тревожили отряд, однако все-таки самые строгие предосторожности считались излишними. У Каракарыза, под стенами укрепления, ереванский батальон похоронил прапорщика Григорьева, погибшего на валах Геок-Тепе от 27 сабельных ударов. Первый переход солдаты несли труп молодого героя на носилках. На этом же привале солдаты и офицеры, после двухсуточного голодания, варили себе горячую пищу. Но на следующем уже ночлеге стал оказываться недостаток провианта и солдаты начали истреблять козлов. От Карыза отряд снова повернул в сторону старой дороги и подошел к Дурупу. Затем движение продолжалось к Арчману, около которого произошла довольно значительная стычка с текинцами, спустившимися в числе 800 коней с гор от аула Нахура.

4-го сентября, отряд, двигавшийся хотя и медленно, но постоянно, подошел к Беурме. Здесь ему ретен было дать отдохнуть и даже генерал Ломакин думал было укрепить этот пункт и держаться в нем до приезда к отряду генерала Тергукасова, а также и до прихода подкреплений, которые, действительно, еще за два перехода ранее начали подходить к отступавшим. Но беда заключась в том, что фуража решительно не было, люди также питались лошадиными галетами (приготовленными на конопляном масле), предпочитая их тощей козлятине, а лошади и верблюды буквально голодали и падали в невероятном числе. Тем не менее, на третий день приказано было отобрать наиболее крепких животных и отправить их за провиантом в Дуз-Олум. Но через 6 часов после того, как эти верблюды отправились по назначению, отряд неожиданно для себя получил приказание — отступить! Оказалось, что было получено известие о приближении Нур-Вердыхана с 15-ю тысячами всадников и артиллерией, который намеревался, заняв Бендесенский перевал, отрезать отряду путь отступления. Поднялась невообразимая суматоха, драка в споры за оставшихся полуживых верблюдов, на которых только и можно было двинуть тяжести и [594] особенно больных отряда. Как никак, но в 1 часу дня, 6-го сентября, отряд, однако, выступил в Бами, где и провел ночь, последнюю для него в оазисе. На следующий день предстоял трудный переход в Бендесен через горный перевал. Миновав его, русские вышли из оазиса, употребив на движение туда и обратно 17 суток. Дальнейшее движение отступающих к Чикишляру не представляет интереса. Но вот эпизод, случившийся в Бендесене, который также характерен для полной картины произведенной нами экспедиции.

Вот как сообщает об этом удивительном происшествии г. Т. М. Барановский.

По приходе в Бендесен, утром 8-го сентября, пронеслась по отряду всех поразившая весть, — ночью бежал из нашего лагеря Тикма-Сердар, хан бамийский и беурмийский, с сыном своим Софиханом и свитой из 8 человек. Каким образом им удалось бежать, этого никто не мог себе объяснить. Они были помещены почти в центре лагеря в кибитке, к которой была приставлена стража, вокруг же лагеря расположена аванпостная цепь, и несмотря на то — они бежали, и только утром это заметили.

Само собою, бегство военнопленных из среды лагеря, явление довольно странное — чтобы не сказать более. Не вероятнее ли, что их просто отпустили, но видя нужды держать долее, так как пленение Тикма-Сердара сделано было вопреки всяким правилам.

Тикма-Сердар приехал в лагерь добровольно, с изъявлением покорности и с обещанием дани, но прося русских не входить в оазис. Таких условий, конечно, нельзя было принять, но удерживать послов, как военнопленных, тащить их под стражею до Геок-Тепе, делать старика свидетелем, как русские снаряды ложились в средину кибиток, между которыми находилась кибитка и его семьи и затем провести его назад, незнающего ничего об участии постигшей его близких, — все это было непростительно бесчеловечно и, главное, совершенно ни к чему не нужно. Вот почему можно поверить г. Барановскому, когда он говорит, что девять десятых отряда обрадовались, узнав об его побеге.

В Бендесене войска остановились и оправались; здесь оказались запасы сухарей и баранины, а для лошадей кое-какой фураж. 8-го сентября, однако, отряд, все-таки тревожимый еще текинцами, перешел в Тер-Сахан, где и простоял до 13.

К этому времени прибыл в Чикишляр новый начальник экспедиции, генерал Тергукасов, и к 15-му числу переехал в Чат. 19-го был смотр частям отряда, находившимся в Чате, и в тот же день генерал Тергукасов поехал в Тер-Сахан. Но уже 20-го числа было отдано приказание войскам продолжать отступление к морю и далее на Кавказ. В отряде появилась дизентерия, цинга в лихорадки, уносившие людей хуже текинских набегов. [595]

К ноябрю, перевозка войска на Кавказ, была окончена, за исключением небольших отрядов, оставшихся в Чате и Чикишляре.

На этот раз роковым предначертаниям истории не суждено было осуществиться. Экспедиция кончилась, принесла неоспоримое убеждение, что халат — вовсе не очевидное доказательство трусости и слабости тех, кто его носит. Текинцы, несмотря на халат, приобрели ваше бесспорное уважение, за которое войска на первых же порах заплатили несколькими сотнями напрасно загубленных жизней, а государство 10 миллионов бесплодно истраченных рублей. Наконец, та же экспедиция убедила и в том, что девиз Цезаря — *veni, vidi, vici* — не годится для обыкновенного генерала, особенно, способного слишком буквально ему поверить.

В. П.

V.

Текинцы и текинки.

В военном отношении экспедиция 1879 года в Ахал-Теке имеет значение форсированной рекогносцировки. Край загадочный стал краем известным, пути неизведанные — пройденными путями.

Мы познакомились с народом, с которым приходилось иметь дело, и в 1880 году имели все данные, чтобы гости задуманное предприятие без всякого риска, с твердой уверенностью в успехе. Под халатом текинца мы нашли энергического, предприимчивого, безмерно храброго воина, но с плохим огнестрельным вооружением. Подруга его — текинка — оказалась вполне достойной его супругой.

Вот сведения, которые мы находим о том в другой в брошюре г. Барановского и в статье г. Поповича-Липоваца «Ахал-текинские женщины», помещенной в фельетоне газеты «Новое Время», № 1403. Текинское племя, подобно всем туркестанским племенам, подразделяются на роды (тайфе) и кланы (тире). Кроме того, они делятся еще на тохтамышцев и утемышцев; к первому принадлежит 2/3 населения, отличающегося более мирными наклонностями, ко второму — остальная воинственная часть племени. Образ жизни

текинцев полукочевой. Религию исповедуют магометанскую, суннитского толка, но вообще не отличаются фанатической религиозностью, и потому их муллы или ишаны особенным значением или властью не пользуются. [822]

Не особенно большой властью пользуются и ханы, которые скорее советники, нежели властители личного населения аулов. Но в минуту опасностей у них всегда находится предводитель, которому остальные текинцы слепо подчиняются. Во время первой экспедиции, таким диктатором оазиса оказался Нур-Верды-хан, лично однако не успевший принять участие в битве с русскими. Об этом Нур-Верды-хане Ахалском Бульгер пишет следующее:

«Нур-Верды-хан — 55 лет от роду, росту высокого (5 футов и 10 дюймов), имеет правильные черты и крайне внушительное обращение. Смел, но осторожен. В 1855 году он одержал блистательную победу над ханом хивинским Медешиним, который ходил на Мерв с огромной армией. Зато действия его против персов были мало удачны, и это повело к падению, после 1859 года, его значения в оазисе настолько, что ему приходилось бежать из Ахал-Теке и скрываться в Мерве. Однако, приближение русских заставило вспомнить о нем и возвратило ему утраченное значение. 28-го августа Нур-Верды находился в походе, и защитой Геок-Тепе руководил его сын, убитый при атаке на русскую артиллерию.

Текинцы не платят никаких податей и не несут каких-либо повинностей. Обычное право у них господствует в полной силе, и ханские распоряжения исполняются лишь до тех пор, пока не противоречат вкоренившимся обычаям. Но зато сила обычая так велика, что на каждого нарушителя его смотрят как на величайшего преступника.»

Если верить г. Т. М. Барановскому, то текинцы, будучи большими хищниками по отношению к не текинцам — между собою отличаются большою честностью, и считают воровство самым позорным преступлением для человека. В этом отношении, кажется, нам, детям «гуманной» цивилизации, не мешало бы хоть у текинцев поучиться честности. Если те несколько равнодушны к убийству, то мы чересчур снисходительны к воровству, и уж разумеется ваши «коммерческие благодетели» должны краснеть перед тем туркменом-гокланом, который, продав полковнику Навроцкому верблюдов и получив лишних 940 рублей, нарочно приехал из степей и возвратил эти не принадлежащие ему деньги (В минувшую войну за освобождение Болгарии, ту же честность нашло кавказское интендантство у дикого шушинского купца Хагатур-Ага-Тохбазова, возвратившего 62,000 руб., полученных в задаток, по контракту, который не был окончательно заключен казной. — прим. В. П.).

По тем сведениям, которые попадаются в немногих имеющихся у нас материалах, честность текинцев не ограничивается деньгами, что можно видеть из следующего рассказа г. Тугана-Мирзы-Барановского. [823]

После отступления русских войск к Беурме, по предложению полковника Малама, был послан в Геок-Тепе пленный текинец из четырех схваченных перед этим в какой-то арьергардной стычке. Пленный этот повез с собою прокламацию с предложением покориться (отступавшей) русской силе. Этому текинцу было сказано,

что если он через неделю не вернется с ответом, три его товарища будут расстреляны. Через четыре дня этот текинец вернулся в русский лагерь с гордым ответом предводителя племени:

— Передай генералу, что Теке покорится только силе!

По словам г. Поповича-Липоваца, текиннка, мало отличаясь от текинца во внешней одежде (халат ее более ярких цветов, расцвечен вышивкой, и она носит вместо оружия серебряные украшения на поясе и в ушах) — мало отстает и энергией. При штурме Геок-Тепе, в вылазках несомненно участвовали и женщины. Во время обхода крепости с восточной стороны, по нашей кавалерии вдруг из одной канавы было сделано три выстрела; солдаты бросились к канаве, но вместо текинца схватили молодую девушку, стрелявшую из трех лежавших перед ней пистолетов.

— Не бойся, тебе ничего дурного не сделают, объявил командир через переводчика своей пленнице, (к несчастью для красоты слога — не особенно очаровательной).

Но девушка отвечала:

— Я, сердар, ничего не боюсь, можете делать со мной, что хотите. Но вы все, гяури, бойтесь и страшитесь нас, так как никто из вас не уйдет из нашей страны.

Заметам, что текиннки не закрывают подобно другим магометанкам лица, хотя и напрасно, так как оно, по мнению большинства, некрасиво. Разумеется, как и везде у поклонников пророка, и у текинцев существует многоженство, но им могут наслаждаться только богатые, так как за девушку женихом ее вносится родителям богатый выкуп. Средний калым за невесту составляет 10 баранов, 2 верблюда в 300 кранов (кран — 30 к.) серебра. Каждая жена текинца живет в отдельной кибитке, которую обязательно приносит с собой в приданое. В случаях развода, допускаемого по бесплодию, вследствие хронической болезни, или по причине дурного запаха изо рта, все приданое невесты возвращается, также как возвращается и калым жениху.

Обычай запрещает текинцу жениться на рабыне, и это служит одним из главных мотивов текинской поэзии. Красота нежных персиянок сильно прельщает их, но закон не позволяет текинцу обогащать свое племя помесью, и потому в случаях, когда влюбленный господин воспользуется своим правом победителя и пленница затяжелее и родит, то ребенка или убивают, или продают в рабство. В общем, семейная обстановка в Ахал-Теке довольно [824] нравственна, хотя (или потому что?) мужья нередко поколачивают своих жен.

Приводимые г. Поповичем-Липовацем текинские песни несомненно свидетельствуют о большой теплоте сердца текинца. Некоторые строфы, в вольном переводе, производят очаровательное впечатление. Промышленность в Ахал-Теке не особенно блестящая, во выше, чем у других туркменских племен. Ковры

текинские ценятся очень высоко, часто считаются даже лучше персидских. Их ткнут женщины с быстротою и ловкостью замечательной. Так, есть мастерицы, способные сделать в год от 2 до 3 ковров, шириною 5, а длиною до 10 аршин. Текинцы кроме того прекрасные оружейники. Шашки их заслуживают самого полного одобрения, а ружья вас только хороши, что первое время текинцы не дурно отстреливались от наших берданок. Искусство и смышленость племени выказались весьма ярко в том успехе, с каким они научились употреблять берданки, попавшие к ним после отбития штурма, и освоились с патронами, доставшимся им в Бендесене, где мы принуждены были, вследствие единовременной кончины 400 верблюдов, зарыть 17 ящиков с патронами. По указанию верблюдовожатых, патроны были отрыты текинцами и в свое время употреблены в дело.

Что касается военного таланта, то он ярко выяснился во время осады Геок-Тепе генералом Скобелевым. Про защитников этой крепости можно сказать, что они сделали все для себя возможное при тех средствах защиты, которыми обладали.

Эту особенность текинцев раньше всех оценили русские солдаты.

— Супротив текинца надо назначить важного генерала! - говорили они еще при первой неудаче, постигшей их под стенами текинской крепости.

Такая оценка была признана правильной и выше. И вот, когда генерал Тергукасов, затягивая срок завоевания Ахала, видимо добивался отозвания, то на место его был назначав временно Муравьев, а затем уже руководить экспедицией, действительно, приехал «настоящий» генерал — Скобелев.

VI.

Генерал Скобелев.

В апреле месяце 1880 года, генерал-адъютант Михаил Дмитриевич Скобелев высадился в Красноводске и, верный старой привычке знать все и все видеть самому — тотчас же принялся за рекогносцировки и разведки по всем направлениям, казавшимся удобными для успешного завоевания оазиса. [825]

Минувшая компания 1877 — 78 года выдвинула на арену истории имена многих храбрых и талантливых генералов, которыми русская армия имеет полное право гордиться. В числе таких имя Скобелева 2-го было уже достаточно популярно и раньше, по его участию в хивинском походе. Но исключительную, редкую талантливость и военное счастье этого генерала выдвинула и подчеркнула война болгарская. Атака 30-го августа на Гривицкий редут, деятельность в памятные дни 2 — 3-го ноября на Зеленых горах и особенно беспримерный зимний переход через Балканы, закончившийся блестящим Шейновским делом, — все это

такие патенты на знание настоящего военачальника, которые нельзя оспаривать хотя бы с отдаленной надеждой на успех.

По-видимому — это человек, скроенный как раз по мерке полководца так, как определяют ее Мориц Саксонский и Наполеон. Хладнокровно-бесстрашный, вполне владеющий собой, никогда не теряющийся, не знающий деления своих обязанностей на важные и неважные, на мелкие и крупные; имеющий дар читать в сердцах солдат и потому всегда знающий наверное, что можно и чего нельзя от них требовать; энергичный, деятельный, строгий, но простой с подчиненными, и при этом требовательный по отношению к сущности, снисходительный к форме, он с первых же шагов на своем военном поприще сделался идиолом русского солдата.

О генерале Скобелеве, впрочем, за время болгарского похода составилось мнение, как о высшей степени горячем человеке, ищущем опасности, бросающемся в самую свалку и не обращающем никакого внимания на убыль людей в своем отряде. Солдаты его отчаянную храбрость и невозмутимое хладнокровие под пулями приписывали заговору. По солдатской легенде, сообщает г. В. Немирович-Данченко, хивинец девять дней и девять ночей возил Скобелева по Хиве неверной и заговаривал. Потом девять дней и девять ночей Скобелеву есть и пить не давали и все заговаривали, пока совсем не заговорили, так что пуля проходит насквозь, не причиняя Скобелеву ни малейшего вреда.

Поэтому, когда после чрезмерно-медленного и колебавшегося Тергукасова, назначили Скобелева, все ждали быстрого наступления, молодецкого налета на оазис, и в тайне боялись (а может, иные и радовались), что отважный генерал сломает себе шею под стенами укрепления «голубой горы» (Геок-Тепе значит голубая гора). События показали, что боязнь и радость были одинаково напрасны. В походе на оазис, может быть даже более, чем в распоряжениях перед Шейновским боем, выказался бесспорный военный талант этого генерала. Поход требовал исключительных мер — и они были приняты, требовал непременно успеха, при неблагоприятных условиях и с малыми средствами над неприятелем, еще опьяненным своей победой над нами и, благодаря последней, [826] успевшим вооружиться нашими же берданками и нашими же патронами, — и все эти требования блестящим образом выполнены молодым русским генералом, и потому его деятельность в Ахал-Теке имеет большую военно-историческую поучительность.

Тотчас по прибытии в апреле месяце в Красноводск, он съездил осмотреть форт Александровск и кочевки одаевских киргизов; потом, сделав рекогносцировку Михайловского залива и направления будущей железной дороги до Молла-Кары, он отправился в Чикишляр, где занялся многими соображениями по предстоящей экспедиции и главным образом — вопросом об организации верблюжьих транспортов.

С последней целью он припугнул старшин кочевых аттабаевцев, выписал из Ташкента отважного подполчка Громова, а также поручил доставить верблюдов не выше 110 руб. за голову подрядчику Мягкову. В результате этих распоряжений оказалась возможность собирать верблюдов с обширной территории (чуть ли не до Семипалатинска), так что к концу августа из Оренбурга Эмбинскими и Устьуртовскими степями пришло, под начальством полковника Мореншильда, 6000 из подрядных верблюдов Мягкова.

Вопрос о воде и продовольствии отряда также был решен совершенно самостоятельно. В Красноводске уже ранее действовал плавучий опреснитель на барже общества «Кавказ и Меркурий», дававший ежедневно 15,000 ведер пресной воды. Этого количества показалось недостаточно, и потому Бакинскому заводу Нобеля был заказан другой аппарат, который, к ноябрю 1880 года давал до 25000 ведер в сутки пресной воды. Воду эту развозили по железной дороге особым цистернам и простым бочонкам. Пар, отработавший в котлах опреснителя, утилизировался в поставленных вблизи кибитках, где каждый день парились свободные от работ и занятий солдаты и рабочие. До выступления в поход, кавалерию и часть пехоты Скобелев держал на западном берегу Каспийского моря в состоянии постоянной готовности переехать на восточный берег; это давало возможность сосредоточить массу фуража и провианта на предстоящую экспедицию. Замечательно также образование так называемой передвижной артиллерии. У Скобелева было 74 орудия, большей частью старых, расстрелянных, для передвижения которых в оазис нерасчетливо было иметь полное число лошадей. В виду этого, была организована постепенная перевозка этой артиллерии из Красноводска в Бами лошадьми 19-й и 21-й артиллерийских бригад.

Для почтовой службы, а также для пастыбы и управления верблюжьими транспортом, организовано было три сотни киргизов аттабаевцев, уже в хивинскую экспедицию оказавших нам неоцененные услуги по всякого рода степным пересылкам. О добросовестности [822] этих степных почтальонов свидетельствует трогательный случай, рассказанный корреспондентом «Нового Времени»:

«В 1373 году, в хивинскую экспедицию, джигит во время сильных жаров отправился с почтовой сумкой из Киндерли в Хиву. Где-то на пути, в песчаных барханах, он заблудился и погиб. Двое сыновей отправились его разыскивать, но нашли только убитую лошадь, у которой он, вероятно, страдая жаждой, пил кровь, и палку воткнутую в песок, в которой была зарыта сумка».

Корреспондент «Голоса» г. Б. о тех же киргизах говорит следующее:

«Нельзя не сказать, что киргизы служили с большим рвением в последнюю ахалтекинскую экспедицию, хотя служба их при верблюдах была крайне тяжелая. В торговых караванах принято за правило после каждого рейса давать три или четыре недели для отдыха верблюдам. Этим временем пользуются и верблюдовожатые. Во время же экспедиции, войсковые требования заставляли верблюжьих транспорты передвигаться почти непрерывно. Таким образом, отступление от привычек, усвоенных животными, а также от выработанных временем правил для движения торговых караванов и, наконец, строгие требования военных властей хорошего ухода за верблюдами — все это вместе удесятряло обычный труд киргиза. Не смотря, однако, на такой усиленный труд, киргизы служили с величайшим самопожертвованием, нередко отдавал жизнь свою при выполнении возложенных на них обязанностей».

Далее, тот же корреспондент прибавляет:

«Замечательны лошади у этих киргизов. Это маленькие и крайне некрасивые лошадки, но они замечательны по своей выносливости: сто или полтора верст они делали в один переход и довольствовались, большей частью, одним подножным кормом, причем они привыкли проходить по самым крутым горным тропинкам и переплывать самые быстрые потоки и реки. Сами киргизы отличаются изумительным зрением и слухом, а также навыком ориентироваться во всякой местности; так что в случае европейской войны, киргизские наездники могут оказывать неоценимые услуги армии».

Отдавая массу времени и сил на всю эту подготовительную работу для организации экспедиции, М. Д. Скобелев постоянно под личным руководством производил самые дальние и смелые рекогносцировки. Между тем, он более всякого мог бы поручать эти разведки своим приближенным, так как для него характер местности и особенности края были не новы. В чине штабс-капитана, находясь в отряде генерала Столетова, он успел уже в 1869 году познакомиться с этим печальным краем, а в бытность свою комендантом укрепленного пункта Молла-Кора даже порядочно изучить его.

По-видимому, «настоящий» генерал был другого мнения и ранее прибытия войск успел побывать в кочевьях аттабаевцев, выбрать место для направления железной дороги и, наконец, проехав по всей атрекской линии, от Чикишляра до Бами, он, в сопровождении сотни казаков и одного горного орудия, 6-го июня подъехал. [822] даже к самому Геок-Тепе, чтобы убедиться в значительных усилениях этого пункта, сделанных текинцами после экспедиции 1879 года. Во всех этих степных переездах он поражал своею энергиею и силой. Проедет сотню верст, остановится и тотчас же занимается еще письменными делами, тогда как окружающие его чувствуют себя совершенно разбитыми.

В ноябре месяце, когда уже был начат настоящий поход, он взялся сам руководить рекогносцировкой по реке Чандырю, которую поручено было произвести четырем сотням Полтавского казачьего полка и двум эскадронам драгун под начальством полковника Навроцкого. Войска эти должны были открыть горный проход прямо на Геок-Тепе и поразить текинцев внезапным появлением русских с той стороны, откуда их не ждали.

Во время этой рекогносцировки, после отдыха на одном из привалов, генерал Скобелев приказал своей кавалерии двинуться вперед, а сам остался с семью человеками, чтобы написать несколько приказаний. Переписка и отправление приказаний заняли несколько более времени, чем предполагалось. Когда же командующий войсками отправился догонять отряд, то сбился с дороги и, таким образом, остался в горах только с семью всадниками и без проводника. В этом положении застала его ночь и он остановился на ночлег. Только к утру посланные им для разведок всадники привели из Нухара команду охотников, которая была составлена из войск передового отряда и послана из Бами в Нухар тоже для рекогносцировки. Вместе с этою командою генерал Скобелев присоединился к войскам.

За такое упущение полковника Навроцкого генерал Скобелев наказал его по-своему — оп при штурме Геок-Тепе был назначен командиром резервов. Такое же наказание постигло и командира сводной кавалерской бригады, действиями которого 23-го декабря, в деле Петрусевича, «настоящий» генерал был очень не

доволен. Полковнику Арцишевскому, в день 12-го января, была назначена скромная роль командира над нестроевыми командами и денщиками.

Из многих описаний корреспондентов, действительных или выдуманных анекдотов, ходящих о М. Д. Скобелеве, иной ригорист выведет заключение, что он слишком эффектен, слишком яростен для степенной роли главнокомандующего. История войн, однако, свидетельствует, что все молодые генералы и все действительные генералы, т. е. сами водившие войска в бой, никогда не пренебрегали эффектом, зная, как возбuditельно действует этот эффект на предводимые ими войска. Следовательно, некоторую аффектацию, известную степень бравады, следует простить всякому генералу, а тем более М. Д. Скобелеву, на долю которого выпало добиться с малыми силами большого и притом неременного [822] успеха. Но было бы крайне ошибочно полагать, что в лице этого генерала мы видим безучастного к людскому горю и страданию человека. Внутри себя он, может быть, страдает более прочих, но он знает, как опасно показаться войскам, зашедшим в глубокие степи стоящим ничтожной кучкой под стенами крепости, где засел смелый, воинственный и опьяненный старым успехом народ, обороняющий свою независимость, — с лицом истомленным, с умой горькой, заботой на челе. Вот почему постоянное придвижение лагеря к степям осажденной крепости, по мере неудачных для нас вылазок текинцев, должно считаться решительно гениальным распоряжением. Оно и не жестоко, раз сам Скобелев ставил свою ставку, отмеченную и размерами и значком, в сфере досягаемости крепостных выстрелов. Кто сам рискует, тот имеет нравственное право заставить рисковать и других. Так думали, вероятно, в отряде все, и потому превосходная обрисовка настоящего генерала, данная корреспондентом «Нового Времени», так жива и понятна даже и не военным:

«Не смотря на душевные потрясения, которые, конечно, Скобелев должен был переносить в тягостные минуты ночных нападений, он не пал духом и выходил к войскам таким же удалым молодцом, каким его знала 16-ая дивизия под Плевной и Шейновым: изящный, величественно-стройный, одетый с иголки, раздушенный, с ласковой, веселой улыбкой на бледном, утомленном лице.

...Солдаты понимают, что это идет их истинный вождь. Бодрость и силы просыпаются в траншеях... Всякий чувствует на себе пронизательный взгляд генерала.

— Скобелев идет! - говорят солдаты.

— Здорово, молодцы, ширванцы!.. раздается звучный, вызывающий голос, и точно электрический ток пробегает по измученным и запыленным рядам офицеров и солдат; и громкое и лихое «здравия желаем» несет на встречу настоящему генералу; он идет по рядам высокий, молодой, в белом романовском полушубке, с генеральскими погонями и белым крестом на шее, не сгибая головы под выстрелами... и по его приказанию русские безответные воины опять готовы не спать, не отдыхать, копать без устали и умирать безропотно...»

С вождями, которые имеют такое нравственное влияние на порученные им войска, поражение немислимо. Покуда Скобелев был жив, участь Ахал-Теке не подлежала сомнению. Разумеется, его могли и убить, но... по

странной игре военной судьбы, есть генералы, действительно, как бы неуязвимые, как бы заколдованные. Им покровительствует случай, их щадят пули, разумеется, до случая. Такими генералами были Ней, Милорадович, отчасти Наполеон — и таким же баловнем военного счастья оказывается и неуязвимый генерал Скобелев. [830]

VII.

Поход в Ахал-Теке.

(Описание военных действий похода 1880 — 81 года обязательно просмотрено и исправлено одним из видных его участников, инженер-капитаном А. Н. Масловым.)

Предпринимая поход на халатников, искали только пути, где бы проходящие войска были обеспечены пресною водою способами дешевыми и естественными, и потому выбрали для наступления линию Атрека с опорною базой в Чикишляре, не смотря на то, что Чикишляр не имел удобного рейда.

Скобелев, наступая на ахалтекинцев, решил воспользоваться всеми путями, ведущими в оазис, приспособив каждый из них для каких либо специальных целей, и потому протянул свою базу по всему каспийскому побережью: от Красноводска через Михайловское до Чикишляра. Главным операционным пунктом служил Красноводск, где были устроены склады интендантского и артиллерийского ведомств, что обусловливалось удобством выгрузки в загрузку судов, стоящих в Красноводском заливе, закрытом от всяких ветров и притом достаточно глубоком. Укрепление Михайловское, находящееся в 60 верстах южнее Красноводска и имеющее с последним удобное морское сообщение, назначено было служить начальным пунктом предполагавшейся железной дороги. Из Михайловского, окруженного безводными, сыпучими песками, при помощи этой дороги предполагалось перевозить артиллерийские тяжести до Кизиль-Арвата, откуда путь вступления шел по плодородной почве, имеющей хорошую ключевую, горную воду. Кавалерии же и часть пехоты, а также фуражный и провиантский запасы, должны были следовать, из Чикишляра по наезженному и изведанному уже пути вдоль рек Атрека и Сумбара.

Оба пути сходились у аула Бами, который, после июньской рекогносцировки самого Скобелева под крепостью Геок-Тепе, был избран, как главный опорный пункт всей экспедиции. Аул этот был укреплен, снабжен достаточным гарнизоном и вскоре сделался складочным местом всего необходимого для успеха экспедиции.

К концу ноября в Бами собралось достаточно провианта, и Скобелев двинул свои войска в Егиан-Батыр-кала (названное Самурским укреплением). Железная дорога от Михайловского до Молла-Кары продолжала подвигаться далее до Балаишена, Кутола и Айдина, имея впереди переносную дорогу Дековилы. Эта последняя не вполне удовлетворила возлагавшиеся на нее надежды, так как тонкие и слабые ее рельсы выгибались под тяжестью [831] перевозимых на них грузов. Но, правду говоря, изобретателю ее и в голову не

приходило, что из его скромной идеи сделают такое грандиозное применение, то есть, чисто вспомогательное средство при работах дороги — обратят в самую дорогу. Тем не менее, она, очевидно, принесла свою долю пользы, так как и до сих пор движение закаспийской дороги вперед происходит с помощью дековилевских рам и вагонеток. К концу экспедиции железная дорога дошла до Айдина, удаленной от Михайловского на 70 верст. Дорога Дековила протянулась еще на 20 верст далее и остановилась в Ахча-Куйме. Как первый опыт дороги в сыпучих и переносных песках, закаспийский железный путь вполне показал возможность проведения таких дорог в пустынях. Успеху этому способствовали талант инженера Усова, придумавшего остроумные приспособления для защиты дороги от заносов, и главным образом работы и указания князя Хилкова, получившего солидное техническое образование на практических работах в Америке. По показанию корреспондентов, князь Хилков, к славянскому добродушию присоединил в Америке предприимчивость и твердость янки. Все движение по закаспийской дороге организовано трудами и заботою этого талантливой человека.

Из средств, предлагаемых паровой механикой к передвижению, экспедиция, кроме железной дороги, имела еще паровую флотилию под начальством капитана 2-го ранга Макарова (в минувшую войну командир парохода «Константин»). О характере и составе каспийской казенной флотилии всего лучше говорит казус, случившийся с пароходом «Баку». Генерал Петрусевич с поручиком Кауфманом были командированы в Киндерли для осмотра проходивших там верблюжьих транспортов, следовавших из Оренбурга. В Киндерлийский залив они отправились на пароходе «Баку», который был только что спущен на воду. Довезя генерала Петрусевича до залива, пароход испортился и остался стоять там на якоре, а пассажиры его принуждены были скакать 400 верст вдоль берега, на казацких лошадях. Понятно само собой, что если так отличился новый пароход, то о старых и говорит нечего; они решительно отказались служить экспедиции, почему ни войска, ни интендантство, не находило возможным пользоваться их услугами, а между частными лицами попасть на казенный пароход считалось величайшим несчастьем. Один только пароход «Шаш», с некоторым успехом занимался перевозкой больных и раненых из Чикишляра в Баку; а речной пароходик «Чикишляр», благодаря превосходному командиру лейтенанту Иенишу, поддерживал сообщение между Красноводском и Михайловским. Вся остальная перевозка производилась помощью судов общества «Кавказ и Меркурий». Переходя затем к заботам о санитарной части отряда, следует заметить следующее. [832]

Для передвижения больных и раненых были учреждены госпитали в следующих пунктах: в Бами на 200 человек, затем по Атрекской линии: в Ходжамкала и Дузулуме на 100 в каждом, в Чикишляре на 200 человек; по михайловской линии: в Казанчике, Балаишеме, Молла-кара и в Михайловском заливе — по 50 мест в каждом, и в Красноводске — на 200 человек. Все эти госпитали и лазареты помещались в госпитальных палатках и киргизских кибитках. В Красноводске, Чикишляре и Михайловском, были устроены легкие деревянные бараки, обшитые снаружи толем, а внутри картоном (каждый барак на 30 больных). Но, в виду наступившего зимнего времени, в них сделаны были приспособления и для отопления. Снабжены они были весьма широко довольствием, всевозможными консервами и госпитальными потребностями.

При некоторых из госпиталей и лазаретов были склады «Красного Креста». Главный же склад этого человеколюбивого учреждения находился в Красноводске.

Главные передвижные силы отряда составляли все-таки верблюды, несмотря на то, что этот корабль пустыни оказался в высшей степени неудобным для перевозки военных тяжестей. Во время похода в Афганистан, англичане потеряли 60,000 верблюдов. В 1879 году, из 10,000 верблюдов пало 9,400, не менее падало их в экспедиции 1880 — 81 года, так как, по свидетельству М. Н. Анненкова, их из 18 тысяч остался к концу только тысяча. Оба пути — Атрекский и Михайловский, буквально были усеяны трупами этих непрехотливых и несчастных животных, несмотря на то, что для наблюдения и ухода за ними были наняты киргизы. Но обстановка военных перевозок, вследствие не одинаковости грузов, а также и вследствие несовпадения времени, когда надо отдыхать верблюду и можно отдохнуть солдату, такого рода, что и киргизы не могли много помочь в сохранении верблюжьей силы и животные падали сотнями, костями своими убелив путь наступавших завоевателей. Перевозкой тяжестей занимались, кроме вольнонаемных верблюдов Громова, еще 12,000 верблюдов казенных, доставленных с Мангышлакского полуострова, полковником Навроцким, и из оренбургских степей — полковником Ивановым.

Кроме верблюжьих транспортов, по Атрекской линии был сформирован конский транспорт, из нанятых молоканских и купленных казенных четырех конных фургонов. Такой же транспорт из 100 фургонов находился в действии при переходе из Бами в Самурское укрепление, при начале обложения Геок-Тепе.

Весь подготовительный период похода сопровождался стычками с текинцами, не упускавшими случая тревожить безопасность нашего передвижения к оазису. В числе таких дел, в августе, замечательно дело доктора Студитского, геройски в течение [833] нескольких часов отстреливавшегося с 12-го казаками от трехсотенной шайки текинцев. Студицкий пал, оставив по себе память храброго воина, хорошего медика и превосходного человека. С генералом Скобелевым Студицкий был знаком еще со времени памятных дел 2-го и 3-го ноября, в траншеях Зеленой горы, где этот мужественный доктор, под градом пуль производил первые перевязки. Другая незначительная стычка в окрестностях Бами замечательна тем, что текинцы вырезали 11 наших охотников, наших лошадей. В числе захваченных в этой стычке текинцами лошадей, находилась и знаменитая белая лошадь генерала Скобелева, называвшаяся «Шейн», бывшая с ним под Плевной. На этой лошади потом во все время экспедиции гордо красовался туркменский вождь, хан Тыкма-Сердар.

Более серьезное дело происходило 24-го ноября, когда текинцы под начальством Тыкча-Сердаря, в числе 1,500 человек, атаковали Громовский транспорт, возвращавшийся из Бами в числе 2,000 верблюдов. Транспорт этот прикрывала полурота Апшеронского полка, под начальством подпоручика Васильева. Туркмены, дав отряду, вышедшему из Кизил-Арвата в Казанчик, подойти к оврагам близ речки Узунсу, внезапно напали на него с флангов, а так как в это время киргизы, конвоировавшие верблюжий транспорт купца Громова, не только не захотели защищаться, но еще порезали веревки, связывавшие животных между собою, вследствие чего те попали в цепь и стали мешать прикрытию защищаться, то успех оказался на стороне текинцев и они успели угнать весь транспорт. При этом из 74 человек, составлявших прикрытия, 40 были более или менее тяжело ранены. Во время стычки, поручик Васильев послал двух киргизов в укрепление Казанчик, с просьбою о высылке подкрепления. Но дороге один из киргизов был убит, но другой, хотя раненый, успел доскакать до укрепления и поднять тревогу. По тревоге сотня казаков Лабинского полка, под начальством сотника Аленикова, в сопровождении 2-х рот Ставропольского полка, полетела на выручку и по свежему следу успела напасть на место, куда загнали верблюжий транспорт. Тыкма-Сердар сам с малой своей конницей не находился при этом транспорте, но стоял на дороге к Кизил-Арвату, ожидая нападения

стоявших там 3-х сотен оренбургских казаков. Вследствие этого, сотнику Аленникову молодецким налетом еще до прибытия пехоты удалось окончить дело и возвратить в Казанчик отбитый неприятелем верблюжий транспорт. За это дело сотник Аленников получил георгиевский крест.

К концу ноября, все действующие войска отряда стянулись к Бами, при чем единовременно и без боя была занята Егиан-Батыр кала, находившаяся в 14 верстах от Геок-Тене. Тут Скобелев, построив укрепление, названное Самурским, приказал перевозить [834] из Бами, переименованного к этому времени в Таманское, провиант, фураж и снаряды. В первых числах декабря 1880 года, все уже было готово для обложения и осады опорной крепости текинцев. Ожидали только туркестанский отряд Куропаткина, подходивший к Бами со стороны степи.

Отряд этот должен был прибыть к началу ноября, но об нем решительно не было никакого известия. Тогда генерал Скобелев поручил хорунжему Таманского казачьего полка Стеценко ехать на поиски за Куропаткиным. Стеценко выехал 31 октября, переодетый киргизом и в сопровождении нескольких заводных лошадей, на которых был взят запас воды и провианта. 31 октября хорунжий выехал из Дуз-Олума, по направлению к колодцам Игды. Тут проводники объявили, что не знают дороги, и потому всей партии пришлось три дня плутать без воды и хлеба по бесконечно-песчаному морю Кара-Кумыкской степи. Инстинкт лошади Стеценко вывел его, наконец, к колодцам Ортакую. Здесь киргизы развели огонь и стали есть конину, лошади же все пали. Как истый казак-кубанец, Стеценко, покуда его джигиты ели падаль, запивая соленой водой колодца, он, изнемогая от жажды и усталости, потеряв всякую надежду выбраться из проклятой степи, валялся по земле и писал на камнях колодца всевозможные ругательства. Должно быть это оригинальное занятие навело его на счастливую мысль идти к северу, вдоль хребта Кум-Кира, где он близ Чырышлы напал на отряд генерала Глуховского, прикрывавшего ученую экспедицию к Узбою. В этом отряде Стеценко отдохнул, понравился и, получив свежих лошадей и проводников, поехал через хивинское ханство в Истро-Александровск. Там он узнал, что Куропаткин выступил в поход, и потому следом отправился догонять его, догнал и вместе с ним 3 декабря прибыл в Бами. Колонна Куропаткина прошла тем ужасным путем, который в 1873 году остановил наступление полковника Маркозова. Численностью небольшой — из 3 рот, 2 сотен, взвода горной артиллерии и 700 верблюдов, отряд совершил поход этот необыкновенно счастливо. Не было ни больных, ни отсталых, так что туркестанцы удивили всех не только своим появлением, но и тем, что вступили в Бами в таком порядке и такой чистоте, как будто на парад. Конечно, на этот раз благоприятствовала холодная зимняя погода и значительное число верблюдов, сравнительно с численностью самого отряда, но что-нибудь значили в этом рискованном переходе через пустыню также талант и несомненные боевые способности полковника Куропаткина. Не даром он же был начальником штаба у Скобелева в самые важные моменты деятельности последнего в войне на Балканском полуострове и справедливо делил как труды, так славу и известность последнего. [835]

С приходом колонны Куропаткина, с переводом опорного пункта в Самурское, поход в оазис следует считать оконченным и потому мы перейдем к рассмотрению ближайших действий экспедиционного отряда вблизи и под стенами текинской крепости до памятного дня ее кровавого штурма.

VIII.

Обложение и осада Геок-Тепе.

К 1 декабря войска стянулись к Самурскому в числе 5 тысяч человек, состоявших из следующих частей:

Пехота:

Апшеронского полка 2 батал.

Ширванского полка 2 »

Самурского полка 1 »

Ставропольского полка 1 »

Дагестанского полка 2 роты

Туркестанского отряда 3 »

Крымского полка 2 »

Закаспийского местного батальона . 2 »

Сапер 2-го Кавказского батальона . 1 »

Железнодорожного батальона... 1 »

Кавалерия:

Тверских драгун 2 эскадр.

Полтавских казаков 2 сотни.

Таманцев 2 »

Лабинских 2 »

Оренбургских 1 »

Сборных оренбургско-уральских . 1 »

Артиллерии:

Новых дальнобойных 8 оруд.

4 и 9 фунтовых старых 40 »

Горная батарея 6 »

Картечиц 2 »

Полупудовых мортир 16 »

В общем счете, так как большая часть войск находилась в мирном составе (Кроме Самурского батальона и 3 рот туркестанцев, находившихся в полном боевом составе.), отряд располагал 4,000 штыков, 1,000 конями [836] и 74 орудиями. Укрепление Енгиан-Батыр-кала текинцы уступили без боя; оно и было занято Скобелевым 1 декабря 1880 года; а 4 декабря, под личным начальством главнокомандующего, была произведена форсированная рекогносцировка Геок-Тепе с запада, во время которой войска наши потеряли убитыми одного и ранеными 22 человека.

Как сказано выше, сам Скобелев еще 6 июля, за долго до прихода войск, осматривал крепость и тогда уже решил — с которой стороны выгоднее атаковать ее, но, по-видимому, он опасался за малочисленность своего отряда, которому во что бы то ни стало надлежало сломить упорство защитников Геок-Тере, и с этою

целью он считал полезным приучить людей мало помалу к способам, которые он для этого выбрал, и к опасностям, которых им не следовало бояться.

В виду этого, тотчас по занятии Енгиан-Батыр-кала, Скобелев переименовал его в укрепление Самурское, по имени батальона первого занявшего этот пункт, и установил следующий образ жизни отряда, как описывает корреспондент «Голоса»:

«Почти во всех концах лагеря гремела постоянно музыка и ежедневно войска обучались штурмовать. Для практики устроены были временные укрепления с глубокими рвами и брустверами сильных профилей. Войска, снабженные штурмовыми лестницами, обучались стройно подходит ко рву, по возможности стройно же переходить чрез него и быстро влезать на бруствер. Саперная рота с придаточными к ней рабочими от полков усиленно занималась вязанием туров, фашин, снаряжением штурмовых лестниц, а также принадлежностей для минных работ.

Каждое утро лагерь пробуждался всеми хорами музыки, игравшими в разных частях лагеря сначала зорю, молитву т затем штурмовой марш, под звуки которого войска должны были идти на приступ к Геок-Тепе. По захождение солнца, хоры музыки играли вечернюю зорю и заканчивали ее тем же маршем».

Но не довольствуясь таким примерным и сравнительно безопасным обучением, главнокомандующий по мере сбора частей по очереди водил их на серьезные рекогносцировки, сам каждый раз их сопровождая для того, чтобы лично убедиться как в «духе» вверенных ему частей, так особенно для проверки военных способностей начальников. Таким образом были произведены рекогносцировки 4-го, 12-го и 18-го декабря. Самой серьезной по потерям была первая, когда из строя выбыло 23 человека, в остальных же двух потери наши ограничились 8-ю человеками раненых нижних чинов. В первую же рекогносцировку ранен в руку и генерал Анненков.

Впрочем, пребывание в Самурском не было вполне безопасно. Днем конные текинцы с замечательною дерзостью гарцевали на своих необыкновенно быстрых конях в самом близком расстоянии от Самурского: Ночью же очень часто свистели их пули [837] в самом лагере, особенно около ставки генерала Скобелева, несмотря на то, что, кроме аванпостов, кругом Самурского заложены были секреты, от которых, впрочем, нередко сильно доставалось дерзким смельчакам.

Ставка Скобелева в Самурском помещалась в середине аула и состояла из обыкновенной кибитки, но рядом с ней находилась общая штабная столовая, для которой разбивалась роскошная бухарская палатка. Местность, на которой расположено Самурское, несколько командует над местностью Геок-Тепе, почему из него видны не только укрепления последнего, но и сады Янги-Калы, помещавшейся ближе к горному кряжу с юго-западной стороны крепости. Предположив атаковать крепость именно со стороны Янги-Калы. Скобелев назначил штурм укреплений последнего на 20 декабря.

С этой целью из Самурского двинулись три колонны: правая под начальством Куропаткина, левая под начальством полковника Козелкова, а среднюю, составлявшую резерв, повел сам генерал Скобелев.

В 9 часов утра, 20-го декабря, отслужен был молебен и прочитана была диспозиция, объясненная отдельным начальникам на самом месте действия еще 18-го, во время последней рекогносцировки. В общих чертах, приказано было Куропаткину обойти по отрогам гор Янги-Калу и атаковать ее с тыла. Полковник Козелков должен был атаковать с фронта, прямо со стороны Самурского. Резерв следовал сзади войск Козелкова. Понятно, что первая колонна выступила раньше, вторая часом позже, а еще позже пошел за ними резерв. В полдень, Куропаткин, обойдя аул и выставив на позицию артиллерию, начал дело. В это время текинцы, усеяв все валы Геок-Тепе, с любопытством наблюдали за ходом сражения у Янги-Калы. В два часа Скобелев вдруг приказал своему резерву переменить фронт и начал наступление прямо к Геок-Тене. Текинцы, чаявшие и желавшие повторения штурма 1879 г., немедленно стали перебегать из Янги-Калы в крепость и вот в этот момент колонна полковника Козелкова получает приказание броситься в атаку на Янги-Кала. Но еще получасом ранее, две таманские сотни, под начальством отважного и доблестного графа Орлова-Денисова, атаковали текинцев, перебежавших целыми массами в Геок-Тепе и жестоко порубили их. В три часа колонна Козелкова со стороны Самурского бросилась на штурм и в это же время тыльные валы начал штурмовать и Куропаткин. Благодаря таким превосходным распоряжениям и дружному согласию начальников колонн, Янги-Кала была взята с самыми малыми потерями — у нас был убит один и ранено 15 нижних чинов. Тотчас же по занятии Янги-Калы, Скобелев приказал перевести туда весь лагерь, укрепил его и объявил войскам, что вместо штурма, он поведет на крепость правильную осаду. [838]

К этому времени крепость халатников, на штурм которой столь весело и беспечно спешили в 1879 году войска Ломакина, совершенно преобразилась, частью потому, что тщательные рекогносцировки, сопровождаемые съемками, выяснили действительное протяжение верков и их настоящее положение, а еще более потому, что текинцы не теряли даром времени и, собираясь защищаться, усилили свои верки так, как это вообще принято у азиатов. Они поправили валы, утолстили и возвысили их, заднюю, т. е. восточную и южную ограду сравнивали по высоте с фасадами северным и западным, насыпали «бруствера» в сторону неприятеля, а также «во внутрь», в чаянии продолжать борьбу и после прорыва штурмующих во внутренность укрепления. Кроме того, они сделали много выходов, прикрыв последние валами в виде подковы. Кроме того, с восточной стороны укрепили несколько кал, служащих как бы передовыми укреплениями позиции. Прилагаемый план, обязательно сообщенный редакции военным инженером А. Н. Масловым, делает все расположение и все дальнейшие детали осады достаточно понятными. Тут же мы должны кстати выяснить, что путаница в названиях, столь затемнявшая в свое время получаемые из ахал-текинского отряда телеграммы, происходила потому, что собственно укрепление, которое штурмовали в 1879 и осаждали в 1880 годах, носить название «Денгли-Тепе», но вся местность с окружающими Денгли-Тепе калами, названными уже нами Ольгинской, Великокняжеской, Туркестанской, Охотничьей, Опорной, Мельничной, вплоть до Янги-Калы назывались «крепостью голубых гор» или Геок-Тепе.

К вечеру 20 декабря, Скобелев, укрепившись в Янги-Кале, порешил энергически вести дело далее. С этой целью на следующий же день, 21 декабря, он поручил генералу Петрусевичу и подполковнику Рутковскому с кавалериею исследовать юго-восточную сторону крепости, при чем в резерве этой кавалерии двигался сам Скобелев с пехотными частями, 22 декабря, на правом фланге полковнику Куропаткину предписало было занять Ольгинскую и Правофланговую валы.

В деталях, во время первой рекогносцировки, генерал Петрусевич должен был обойти Денгли-Тепе с юго-восточного угла по восточному фасу и затем по северному, чтобы разузнать о сообщениях осажденных с песками. Обойдя таким образом крепость, ему предписывалось пройти в Самурское на встречу следующему в Янги-Калу транспорту с артиллерийскими снарядами и провиантом и вместе с транспортом вернуться в лагерь. Но текинцы не позволили этому движению совершиться без препятствий и сильно наседали на отряд, когда он проходил вдоль северного фаса. Завязавшаяся перестрелка спешенных казаков заставила самого Скобелева поспешить на выручку Петрусевича с пехотой. Когда [839] оба отряда сошлись на кладбище, то залпами из ружей и горных орудий принудили текинцев возвратиться за стены укреплений. В этом деле убит 1 и ранено 6 нижних чинов.

Дело Куропаткина, 22 декабря, было счастливее, так как ему удалось занять Ольгинскую и Правофланговую калы без всяких потерь. Но зато при взятии третьей, находившейся здесь же калы, текинцев пришлось выбивать из-за валов двум ротам Ширванского и сотне Оренбургского полков, под начальством подполковника Гогоберидзе, причем были ранены; сам Гогоберидзе, сотник Кременец и четверо нижних чинов.

Следующий день — 23-го декабря, был черным и печальным днем для отряда. Генералу Петрусевичу с казаками и драгунами предписано было завладеть садами, где накануне наши казаки видели значительный склад фуража; он же должен был, отвлекая на себя внимание осажденных, облегчить предполагавшееся одновременное с этим заложение первой параллели. Никто ее думал, что эта маленькая цель и скромное назначение отряда поведет к таким чувствительным потерям. Местность, где был сложен фураж, оказалась весьма пересеченной, со множеством арыков и стенок, за которыми засели текинцы. Пришлось спешить войска. Рассыпавшись и постреляв, казаки и драгуны вскочили в одну из садовых оград, а за ними въехал верхом Петрусевич со своим неизменным ординарцем, урядником Андреем, и в сопровождении командира Полтавского казачьего полка, полковника князя Эристова. Между тем, с другой стороны узких ворот, текинцы, поставив ружье на сошки, ожидали русских. Раздался убийственный залп, поразивший многих и в числе этих многих смертельно ранивший Петрусевича. Вместе с этим с боку из других ворот сюда же ворвалось 300 человек текинцев и над умиравшим генералом завязалась отчаянная борьба. Тогда князь Эристов, отозвав некоторую часть сражавшихся, вывел их за стену и отсюда дал несколько залпов; текинцы пошатнулись, благодаря чему драгуны и казаки могли выйти из этих злополучных «садов Петрусевича» (Смерть этого доблестного воина и прекрасного человека явилась не только большой потерей для отряда, но и для науки. Генерал Петрусевич был хорошим ориенталистом, знал арабский, персидский и туркменский языки. Им написаны многие сочинения по топографии и географии Средней и Малой Азии, а также приобрели особенную известность изыскания по древнему руслу Аму-Дарьи (Узбою) от левого рукава реки до озер Саракамыш.), унося с собою умиравшего вождя. Дело это вообще дорого стало отряду: кроме генерала, при спешивании убит майор Булыгин, убит также есаул Иванов, ранен отличившийся в деле с Тыкма-Сердаром сотник Аленников; нижних чинов убито 19, ранено 49. Кроме того, главная цель дела не была достигнута, [840] так как не удалось заложить первую параллель днем и пришлось ее доканчивать, как обыкновенно, ночью.

После заложения первой параллели 24 декабря, осадные работы продолжались довольно успешно. До 28 сделано было углубление первой параллели и устроены апроши от первой ко второй, наконец, в ночь с 27 на

28 выведена была вторая параллель, приблизительно в 400 сажнях от крепости. Правым флангом работ заведовал Куропаткин, левым Козелков. В это время неприятель почти не тревожил нас; дело ограничивалось перестрелкой, причем почти были незначительны, хотя в числе раненых в это

именно время надо упомянуть капитан-лейтенанта Зубова, известного, подобно Петрусевичу, научными работами по Средней Азии. Рана, полученная им в ногу, к несчастью, свела его в могилу. Произведенные в этот же промежуток времени фуражировки в сторону Ашхабада были очень успешны и значительно пополнили запасы фуража для лошадей отряда. Но роковые дни приближались.

В 9 часов вечера 28-го декабря, пользуясь наступившей темнотой, текинцы в числе 6000 человек, вооруженные большею частью холодным оружием — шашками, кинжалами, ножами и даже овечьими ножницами, надетыми на валки, выйдя из крепости и построившись, внезапно бросились на работавших впереди 2-й параллели с правого фланга нашей позиции, сапер и пехотинцев, смяли их, и в общей суматохе, добежав до 2-й параллели, набросились на находившиеся здесь траншейные караулы; затем ворвались в мортирную батарею № 5-й и, пользуясь успехом натиска, дошли до горной батареи, помещавшейся в 1-й параллели, вырезали находившийся здесь небольшой караул, взяли одно горное орудие, много ружей и несколько ящиков с патронами. Одновременно с этим, другая партия текинцев старалась обойти правофланговую калу, с целью зайти в тыл всей русской атаке. Но эта последняя попытка не удалась, благодаря меткому действию находившихся здесь орудий.

Как только прошло верное замешательство от внезапности наступления текинцев, тотчас же был открыт огонь по крепости из всех орудий и вызванные войска из лагеря, направленные в траншеи, заставили наступавших снова вернуться в крепость. Тем не менее наши потери были велики; кроме орудия и знамени Апшеронского батальона, взятого текинцами и на другой день поставленного на холме Денгли-Тепе, у нас выбыло из строя 5 штаб и обер-офицеров (4 убито, 1 ранен); нижних чинов 91 убитыми и 30 ранеными.

Раздосадованный подобной неудачей, Скобелев, не желая оставлять неприятеля под впечатлением одержанной победы, 29 числа приказал полковнику Куропаткину взять штурмом калы Великокняжеской позиции. В 2 часа пополудни открыли из всех батарей [841] учащенную пальбу, а в три часа отряд Куропаткина с музыкою и распущенными знаменами пошел на приступ. Атакованное укрепление было быстро взято, благодаря артиллерийскому огню, а также прекрасным распоряжениям командующего колонной, причем убит 1, ранено 5 офицеров; нижних чинов убито 16 и ранено 40. Одновременно со штурмом Великокняжеской позиции, Скобелев приказал подвинуть лагерь, помещавшийся в Янги-Кале, к первой параллели, персты ее полторы ближе к крепости.

Однако, текинцы не теряли мужества. В ночь с 30-го на 31-е декабря, они сделали новую вылазку, направив ее на левый фланг 2-й параллели, на так называемый Ставропольский редут. Пользуясь находящимся невдалеке оврагом, они скрытно дошли до редута и внезапно вскочили во внутрь русского укрепления. Тут они вырезали роту Закаспийского батальона, опять унесли горное орудие, сотню берданок и большое количество патронов. Снова загремела артиллерия со всех батарей, и так как и на этот раз вылазку с фронта текинцы хотели поддержать фланговой атакой на Янги-Калу, то вскоре в тылу лагеря послышались залпы

аншеронцев, выведенных подполковником Поповым против нападающей кавалерии. Поражаемые, таким образом, со всех сторон, текинцы отступили, оставив массу тел и видимо понеся гораздо более потерь, чем в вылазку 28-го декабря. У нас же убито 1 офицер и 52 нижних чина; ранено 2 офицера и 92 нижних чина.

Генерал Скобелев рассердился не на шутку, в гневе оборвал бедного прапорщика Морица, отступившего с несколькими уцелевшими из Закаспийской роты рядовыми и потерявшего орудие, и на утро приказал лагерю еще ближе подойти к крепости, причем собственную кибитку разбил во 2-й параллели, там где начинался центральный ход. Размещенный здесь лагерь находился постоянно под выстрелами из крепости и в нем убито и ранено несколько человек больничной прислуги и лиц из штаба командующего войсками; так напр., здесь ранен командир дальноточной девяти фунтовой батареи 21-й артиллерийской бригады подполковник Вильде и вторично ранен находившийся в кибитке Красного Креста, смертельно уже раненый 29-го декабря, военный инженер-капитан Яблочков. Подвинув лагерь к крепости, генерал приказал сузить протяжение атаки, сосредоточив работы на меньшем протяжении против юго-восточного угла. Главные работы производились на правом фланге, у кал Великокняжеской, Туркестанской и Охотничьей, находившихся под начальством полковника Куропаткина, который и ставку свою разбил в Великокняжеской кале. Место это, находившееся в 50-ти сажнях от Денгли-Тепе, осыпалось текинцами выстрелами из наших же берданок, уже в достаточном числе находившихся в крепости, а потому инженерные апроши здесь приходилось вести «тихой сапой». 30-го декабря, на этом [842] пункте было очень невесело. За ночь к 29-го на 30-е декабря наши саперы не успели достаточно углубить и устроить ходы сообщения между находящимися здесь калами, чтобы движение по ним было безопасно. Здесь-то именно и погиб жертвой своей смелости инженер-капитан Яблочков, заведовавший осадными работами правого фланга, в то время как он перебежал из Охотничьей в Великокняжескую, интересуясь, что делается в последней.

Вот как описывает этот трагический для молодого инженера момент преемник его по обязанности продолжать начатую здесь инженерную атаку, военный инженер капитан Маслов:

«Соединительный ход состоял из двух клен, составлявших между собою тупой угол; оба колена обстреливались. Яблочков пробежал первое и при повороте присел вздохнуть за стенкой, за которой лежали наши стрелки; потом встал к пробежал к входу в Великокняжескую. Но текинцы, заметив его, держали ружья на сошках и шагах в трех от входа всадили ему в бок пулю. Яблочков вскочил в калу как ужаленный, схватился за грудь, повторяя несколько раз: „Ага! есть! есть!.. смертельно ранен!..» и потом судорожно начал расстегивать сюртук, из-под которого уже лилась кровь... Тут его подхватили и унесли на перевязочный пункт».

Не смотря, однако, на блестящий для осажденных успех вылазок 28-го и 30-го декабря, потери, понесенные ими, видимо поколебали мужество многих защитников. Очевидным для нас результатом такой деморализация были уход из крепости 4000 всадников, 1-го января удалившихся через пески к Мерву; с ними ушло много текинцев, захвативших с собою взятия ими берданки. Но зато оставшиеся поклялись умереть до последнего, прежде чем сдать русским священную крепость.

Со 2-го января из Охотничьей калы саперы наши повели мину и вместе с тем было предпринято уширение траншей, так как даже чрезмерные потери наши в дни вылазок приписывались плохой профили вырытых узких и с отвесными стенками траншей.

Под вечер 4-го января, часовые дали знать, что, по-видимому, неприятель снова готовится к вылазке. Текинцы еще раз хотели попробовать счастья.

Как и в первые две вылазки, они стремительно бросились на часть наших работ левого фланга и особенно на мортирную батарею. Но на этот раз полковник Козелков со своим батальоном ставропольцев встретил их иначе, чем прежде. Нижним чинам приказано было выйти из траншей и стать позади их сомкнутым строем, так что текинцам, чтоб подойти со своим холодным оружием к нашим войскам, нужно было вбежать на земляное возвышение и потом перескочить через ров траншей. Ставропольцы же стреляли в них, не сидя в траншейном рву, как это делалось в первые две вылазки, а стоя, и меткие залпы их произвели страшное опустошение между текинцами. [843]

Неприятель бежал, оставив массу тел между нашими работами и валами. Наши потери составили один офицер и десять нижних чинов убитыми, три офицера и 50 нижних чинов ранеными. Вылазка эта признана была текинцами за поражение и с этого дня до работавших в сапе долетали споры, крики, ссоры текинцев и мычанье верблюдов, нагружаемых пожитками осажденных. 7-го января, было заключено перемирие для уборки тел павших 4-го января текинцев. Вот как, по словам корреспондента «Нового Времени» происходило дело:

В час пополудни на Ширванский редут явился подполковник Юмудский (родом туркмен) с перебежчиком персом и объявил, что он послан Скобелевым начать переговоры с текинцами об уборке трупов. На Туркестанской кале выкинули белый флаг и штаб-трубач заиграл «слушайте все» и «отбой»... Сигнал этот подхватили все горнисты, но долго еще он протяжно разносился по позициям, пока стрельба с нашей стороны не стала утихать.

Для переговоров должны были выйти с обеих сторон на середину, против правого угла редута, по три человека. С нашей стороны вышел Юмудский с двумя конвойными, а одновременно и текинские парламентареры.

Обе партии вышли и сели шагах в шести друг против друга. После обычных восточных приветствий с обеих сторон, Юмудский объявил, что генерал Скобелев, из внимания к храбрым текинцам, приказал заключить с ними перемирие часа на два, пока они не успеют убрать трупы своих воинов.

В это время со стен кричали: «Нам не надо их; и так довольно в крепости валяется этих собак!»

Убитые перед Великокняжеской были большей частью асхабатцы, покинувшие Геок-Тепе в самую критическую минуту, а защитники были на них озлоблены. На стене между тем постепенно появлялись текинцы, между которыми выделялась молодецкая фигура Мурад-хана. В красном халате и с копьем в руке, он ходил вдоль парапета и громко кричал своим: «Не смей стрелять по русским, пока не подадут знак; кто выстрелит — тому смертная казнь!»

К 4-м часам, тела постепенно были убраны. Наши и текинцы начали исчезать в траншеях и за стеною, а ружейные стволы опять легли в бойницы, опять были намечены цели и только ожидали сигнала для возобновления военных действий. Наконец, текинцы, вышедшие для переговоров, сказали Юмудскому:

— Ну, теперь ступай; да хранит тебя Аллах, стрелять будем.

Когда халаты парламентаров скрылись за парапетом, было сделано три выстрела в воздух и затем с обеих сторон, как горох, посыпались пули и до самого заката солнца с особенным ожесточением велась перестрелка».

С 8-го января саперные работы бистро подвигались вперед и момент штурма приближался.

IX.

12-го января 1881 года.

Работы инженерной атаки деятельно продолжались. Не смотря на множество местных препятствий, на необходимость употреблять [844] случайный материал, для которого ежеминутно приходилось изобретать особые приемы, не смотря на то, что работали без нужных инструментов или с инструментами попорченными и неисправными, — каждый час приближал нас к намеченной цели. Начатый 2-го января минный спуск из Охотничьей калы принуждены были бросить, так как галерея стала заливаться водою, просачивавшеюся из арыка, а также и потому, что она выходила слишком длинною для находившегося на работах вентиляционного рукава, имевшего только тридцать сажен. Поэтому еще 3-го января было решено окончательно завладеть плотиною, находившеюся перед Великокняжеской позицией, вырубить деревья, стоявшие сзади плотины, и, устроив плацдарм, подвинуться еще ближе к крепости. Вылазка 4-го января несколько замедлила исполнение этих предположений в заставила, находясь в сфере самого убийственного огня из крепости, где текинцы били на выбор при малейшей неосторожности как с главного вала, так особенно из фланкировавшей это место «подковки», вести дело «тихой сапой» (В военно-инженерном искусстве различают две сапы: «летучую» и «тихую»). Первая обыкновенно возводится сразу на большом протяжении постановкою плетеных цилиндрических корзин (туров) по всей линии будущего хода или траншеи. Работа эта сопряжена с потерями и потому ее предпочитают производить ночью, неожиданно и на расстоянии дальнего выстрела от неприятеля. Вблизи крепости летучая сапа удается редко, а потому предпочитают работать постепенно, ставя из-за готовой уже траншеи туры по одному и работая только

четырьмя саперами. Тихая сапа, если она обращена к выстрелам неприятеля одним боком, называется одиночной, если же она поражается с трех сторон, то называется двойной. Приемы ведения той и другой различны, но это различие составляет уже строго специальную деталь вопроса. – прим. В. П.).

В силу этого, выйдя из-за плотины подступами тихой сапой в расстоянии тридцати сажень от атакованного вала, образовали двойной тихой сапой саперный редут, из которого и повели уже минную галерею. К этому времени работы на левом фланге почти совсем прекратились, так как эти работы сильно поразились из мельничной калы, занятой текинцами; овладеть же штурмом этой калой Скобелев не считал нужным, так как это еще более растянуло бы его позицию и, по его собственному выражению в приказании подполковнику Рудковскому, «вовлекло бы нас в сферу случайностей».

Тем не менее, с утра 8-го января брешь-батарея, находившаяся на левом фланге 2-й параллели, открыла действия против пункта А. (см. план) на юго-восточном углу текинской крепости. Неприятель, в свою очередь, не оставался без дела. Наблюдавшие с высоты башни Великокняжеской калы доносили, что в Геок-Тепе шла усиленная деятельность, особенно по ночам. В течение дня текинцы внутри своих укреплений старались укрываться от [845] наших выстрелов и, главное, от артиллерийского огня. Для этого они также углубили свои кибитки в пески и устроили особого рода ямы, в которые поместили свои семейства. Брешь была пробита скоро, но, не смотря на довольно сильный огонь из наших орудий, текинцы быстро исправили повреждения, набрасывая землю из внутреннего рва.

В ночь с 8-го на 9-е января, брешь-батарея увеличена была еще на четыре орудия, а в центре работ сапою же продолжались из овальной траншеи работы далее и доведены были до крепостного рва. Особенно тяжелою для гарнизона была ночь с 7-го на 8-е января. В эту ночь, говорит корреспондент «Нового Времени», внутренность крепости, в особенности юго-восточный угол, был подвергнут жестокой бомбардировке. Для этого на левом фланге батарея № 7 была вооружена шестью мортирами, а на правом — десять мортир было установлено в овраге, откуда можно было обстреливать крепость с самого близкого расстояния.

По распоряжению начальника артиллерии, эти мортиры по временам стреляли залпами. Десять бомб сразу, точно сноп падающих звезд, шипя и свистя своими трубками, высоко перелетали стены и быстро лопались одна за другой, так что звуки разрыва сливались в один общий раскат...

9-го января, весь день брешь-батарея усиленно действовала по юго-восточному углу крепости и, когда пробитая ею брешь была достаточно расширена, она начала стрелять разрывными снарядами и осыпала брешь осколками; но, тем не менее, текинцы не переставали усердно исправлять повреждения.

Генерал торопил штурмом и назначил его сначала на 10-е января. Побудительными причинами спешить служили слухи, начавшие доходить до Скобелева, что между туркменами, живущими вдоль реки Атрека, начинает замечаться враждебное нам движение, грозившее, в случае дальнейшего промедления, перейти в открытое восстание. Но в случае неудачного штурма дело вышло бы еще хуже, и потому, когда полковник

Рудковский донес, что горн, назначенный образовать второй обвал В., может быть окончен не ранее, как с 11-го на 12-е января, пришлось отложить штурм до 12-го января.

Работы в mine шли медленно, но хорошо еще, что они вообще шли. И здесь, как и всюду (таков уж видно фатум, преследующий добродушного русского человека), у нас не оказалось необходимого. У саперов не было угломера и потому галерея сначала приобрела неверное направление; вентилятор шумел немилосердно, и только потому, что внимание текинцев было обращено на стрельбу из брешь-батареи, они не замечали его зловещего жужжания. Но незадолго до окончания мины и этот «штрумент» сломался. Ученые инженеры заохали, замахали руками, теребили волосы и ругали [846] то «нечто», которое вечно забавляется устраивать русскому человеку подобные сюрпризы. Скобелев выходил из себя (внутренне он как-то мало верил в удачу взрыва). Вывезла, как и всегда, привычка русского солдата ко всякому сюрпризу и соответствующая ей готовность работать пятерней, когда ломается патентованная лопата. Клинышками, которые ежеминутно выскакивали и постоянно забивались, бечевочками, которые ежечасно рвались и снова связывались, саперы налаживали свои «штрумент» и продолжали им посвистывать; товарищи же их, сидевшие в тридцатисаженной дыре, прокопанной под вражьей крепостью, временами чувствуя затруднительное положение поломанного вентилятора, великодушно старались дышать «не шибко», экономизируя притекающий кислород, и вот с помощью такой приспособительности, к 10 часам утра 12-го января, зарядив горн 72-мя пудами пороха и сделав надлежащую забивку и, выползая назад в саперную калу, они отвели душу, обругав искалеченный вентилятор проклятым. В 10 часов 12-го января, подполковник Рудковский донес Скобелеву, что горн готов.

Артиллерийская брешь была готова раньше и, кроме того, в ночь с 11-го на 12-е января, 1-го резервного железнодорожного батальона поручик Остолопов и мичман каспийской флотилии Майер, вместе с охотниками от железнодорожного батальона и моряками, под прикрытием роты Апшеронского батальона, вызвались увеличить количество поднятой земли на бреши пироксилиновыми взрывами. Подвиг храбрых охотников и их офицеров увенчался полным успехом: взрывы пироксилина значительно расширила брешь. Оставалось только мешать неприятелю чинить ее, или производить какие-нибудь другие работы для усиления своих верков. С этой целью, всю ночь на 12-е января поддерживался ружейный и артиллерийский огонь. За это время в отряде ранен один офицер, убито пять и ранено 24 нижних чина.

Диспозицию, отданную для штурма Скобелевым, можно назвать образцовой.

Для нанесения окончательного удара Геок-Тепе, назначена была атака его укреплений с трех сторон. Колонна полковника Куропаткина (Она состояла из 1 бат. и 2 рот ширванцев, пол роты сапер и охотников, сотни спешенных казаков, 4-х горных орудий, 2-х картечных в 2-х ракетных станков — всего около 900 человек.) должна была двинуться на штурм из кал, которые она занимала, и направиться через минную брешь, взорванную гальванической батареей, поставленной в Охотничьей кале. Второй штурмовой колонне, полковника Козелкова (Состояла из 2-х батал., взвода сапер и команды охотников. 2-х орудий, 1-й картечной и 2-х ракетных станков — всего около 1000 человек.), предназначалось выйти из ровиков, устроенных в третьей параллели, и атаковать брешь, пробитую артиллерийским огнем. Третья колонна, подполковника [847] Гайдарова (Состояла из 1 батал. команды охотников и взвода сапер, 2-х орудий, 1-й картечной, 5 ракетных станков, 2-х сотен кавалерии — всего 700 человек.), имела преимущественно

демонстративный характер и должна была взять мельничную калу, расположенную на р. Опорном, рекогносцировка которой была произведена самим Скобелевым еще 9-го января. Общий резерв, под личным начальством генерала-адъютанта Скобелева, расположен был во второй параллели у Ставропольского редута и должен был, смотря по надобности, поддерживать ту или другую из трех штурмовавших колонн (Резерв состоял из 17 рот пехоты 8-х рот спешенной кавалерии, 1-й роты железнодорожного батальона в 24-х орудий — всего около 2000 человек. При всех частях находились гелиографные станки.).

В 6 часов утра, 12 января, Скобелев стал во главе своей колонны; саперы на правом фланге торопились еще с забивкой горна. Уверенный в скором окончании этой работы, в 7 часов он приказал колонне полковника Гайдарова начать дело.

Смело, карьером, выскочила на позицию четвертая батарея 19-й артиллерийской бригада и начала осыпать своими выстрелами мельницу и окружавшие ее строения.

Одновременно с этим движением, началась сильная стрельба со всех наших батарей по неприятельским укреплениям. Брешь-батарея продолжала разбивать и уширять пространство, пробитое ею в стене.

В то же время часть выстрелов была направлена во внутренность укрепления, где около северного фаса предполагалось значительное скопление неприятеля. Несмотря, однако, на сильный артиллерийский и ружейный огонь, текинцы отважно держались на стенах укреплений и с большей энергией исправляли производимые повреждения.

В 10 часов бой шел в полном разгаре на левом фланге, где Гайдаров успел уже завладеть мельничной калой и намеревался, вооружив охотников штурмовыми лестницами, овладеть валами Денгли-Тепе без всяких обвалов. В центре ждали только взрыва. Но как ни торопились минеры, все было готово только к 10 часам; однако инженеры все еще не решались на взрыв, боясь, что от сотрясения разрушатся все глиняные калы, в которых еще укрывались войска колонны Куропаткина. Решено было поэтому их отвести, на что потребовалось еще 20 минут. В 10 часов и 20 минут, в Охотничьей кале оставались капитан Маслов, поручик Черняк и унтер-офицер Шульга; а впереди, в траншеях, почти обок с взрываемой стеной, охотники поручика Воропанова (Воропанов — начальник охотничьей команды, молодой, но отличный офицер. Он исходил со своей командой всю степь и во всех делах был с охотниками в передовой линии... Так говорит о нем корреспондент «Нового Времени»). Этих не хотели отводить, и решились лучше [848] несколькими из них пожертвовать, чтобы иметь под руками людей, способных вскочить на брешь тотчас после взрыва.

Офицеры, находившиеся в Охотничьей кале, молча смотрели на часы, унтер-офицер держал проволоки. Минута, еще... и еще минута, у всех болело сердце; что ежели не взорвет? Вчера еще Скобелев сердито спрашивал у Рудковского, какое основание имеет он надеяться на успех взрыва, когда у самого Вобана из 56-ти взрывов удалось только три?!

— Готово?.. Замыкай цепь!

Унтер-офицер сделал какое то движение. Густой гул потряс почву и масса земли, камней, обломков и пыли, поднявшаяся над всем этим местом, дала знать отряду, что инженеры хорошо сделали свое дело.

В тот же миг дали последний залп из орудий, и еще не успел развеяться дым от выстрелов, как обе колонны уже оказались на верху своих обвалов. Первая, устремившаяся на артиллерийский обвал, имела впереди охотников Апшеронского полка, за которым шел весь батальон, увлекаемый доблестным командиром графом Орловым-Денисовым. Впереди второй колонны шли охотники Воропанова и саперы, за которыми непосредственно следовали ширванцы, под предводительством майора Сивиниса. Остальные части поддерживали их сзади.

Неприятель, пораженный неожиданным взрывом, успел однако быстро оправиться, залег на боковые стенки, оставшиеся не обрушенными, и встретил штурмующих убийственным залпом. Вся первая шеренга легла, как скошенная, и шедшие впереди три офицера (между которыми был и злополучный прапорщик Мориц) пали мертвыми. На минуту в рядах штурмующих произошло замешательство и Скобелев, зорко следивший за происходившим, быстро послал для поддержания успеха из своего резерва две роты ширванцев, приход которых решил дело. Текинцы, не находя уже более защиты, отступили, и вскоре знамя ширванцев, поставленное на верху обвала, свидетельствовало об одержанном здесь успехе. Также молодецки выполнила свою задачу первая колонна. С криком «ура!» и с музыкою, влетела она на образованную снарядами брешь. Здесь текинцы, еще ошеломленные действием взрыва у них в тылу, сопротивлялись не упорно, так что явилась полная возможность, даже вопреки диспозиции, сойти с вала и продолжать бой внутри укрепления.

К этому же моменту, самурцы из колонны Гайдарова с помощью лестниц завладели валом и вошли в связь с колоннами, штурмовавшими обвалы. Текинцы побежали, хотя некоторые еще продолжали отстреливаться, спрятавшись в кибитках, но уже это было слабое, бестолковое сопротивление.

Еще несколько выстрелов, натиск ширванцев Сивикиса — и [849] цитадель крепости, священный холм Денгли-Тепе, сдался после небольшого сопротивления. Водруженный сейчас же здесь императорский штандарт, при громе орудийного салюта, звуках музыки и восторженных криках «ура!» определил момент покорения нового племени храбрых азиатских номадов могущественной власти Белого Царя России.

В это же время, кавалерия князя Эристова, обойдя крепость с севера, гнала уже перед собою спасавшихся в отчаянии текинцев. Пятнадцать верст преследовали своего неприятеля казаки, безостановочно рубя их направо и налево, не давая пощады никому, воздаявая за погибших товарищей и расхолаживая злобу, накопившуюся за время долгой, опасной и тяжелой осады.

— Спасибо, молодцы! - говорил Скобелев веселым голосом, пропуская через брешь войска. — Надеюсь, что вы хорошо порубите текинцев, (В день штурма было отдано приказание уничтожить текинцев без пощады).

Грозные, скажут, бесчеловечные слова! В кабинете, да в городе, — пожалуй, но в глухой степи, среди воинственного народа, имеющего о себе весьма выгодное понятие, и притом командуя маленьким, обессиленным от трудом и борьбы отрядом, — нисколько. К несчастью, силе (даже и природной) легче показать себя на разрушении, нежели на созидании, и потому кому надо, непременно надо доказать эту силу, — тому остается только держаться бесчеловечной логики войны.

Но человек двойствен: повинясь резким требованиям разума, он склонен уступать мягкости сердца.

Под ноги лошади грозного победителя крепости упало текинское дитя — девочка. Скобелев поднял ребенка на руки и велел отвезти его к себе в кибитку. Там он взял маленькую пленницу и принес графине Милютиной на попечение.

Подобно вождю, и войска в день штурма не давали пощады мужчинам, но взяли до 4000 женщин и детей, поступивших также на попечение сестер «Красного Креста», не смотря на громадную работу, заданную этому святому войску любви и милосердия едва законченным штурмом.

Не малы были и наши потери, не дешево досталось нам взятие крепости. Убито 5 офицеров и 55 нижних чинов; ранено офицеров 18, нижних чинов 230; контужено офицеров 10, нижних чинов 75. Все это досталось на поправление персоналу «Красного Креста», который, однако, нашел еще время перевязать до 300 раненых текинских женщин и детей.

Проследив, что сделала русская сила при завоевании оазиса, бросим теперь взгляд на работу «милосердия», выпавшую на долю персонала «Красного Креста», — на работу, стоившую также не мало [850] жертв и совершенную путем изумительного самопожертвования докторов, сестер и санитаров этого отряда.

Х.

Подвиги сострадания и любви.

Завоевание Ахал-Текинского оазиса, в числе военных подвигов русской армии, не может занимать первого места. В венке русской военной славы, — это блестящий, яркий, по все-таки маленький листик. Но та же экспедиция, тот же поход, имеет право составить лучшую страницу в недавней сравнительно деятельности «Красного Креста». Тут лица этого учреждения выказали себя безупречными героями, подъяли

колоссальный труд и принесли делу сострадания и любви большие жертвы. Никогда и нигде, быть может, труженикам «Красного Креста» не приходилось так жертвовать собою и подвергаться стольким опасностям, как в ахал-текинскую экспедицию. Неприятель, с которым имели дело, с ранней молодости сам равнодушно смотрящий на жизнь, не знал сострадания; он не только убивал, но и мучил, о чем свидетельствовали случаи в роде приведенного в отчете князя Шаховского:

«После дела 21-го декабря, доставлены были два трупа пропавших без вести казаков в таком виде: на руках и ногах были вытянуты ногти, ягодичные части прожжены, грудь разрезана на три части, сердца вырваны и головы отрублены. Очевидно было, что первые три операции произведены были над живыми.

Понятно поэтому, что раненых следовало подбирать сейчас же, если желали их избавить от ужасных незаслуженных мук, а для этого нужно было людям, посвятившим себя на служение страданию, идти впереди или рядом с теми, кому выпало назначение служить русской славе.

Лица, входившие в состав санитарного отряда Скобелева, буквально так и понимали свою обязанность: они ходили впереди войска или рядом с ним, самоотверженно выставляясь под выстрелы неприятеля, которому ее могли вредить. О величии этого подвига, о значении такого процесса, красноречиво свидетельствуют цифры потерь отряда. Из 330 человек убито: нижних чинов 14, ранено 6; докторов убит 1, ранено 2 и контужена 1 сестра, т. е. общая потеря составляет более 8%.

В деталях деятельность Красного Креста представляется следующей (Заимствуем из статьи «Голоса» — «Действия передового отряда», и также из статей «Др», помещенные в №№ 147, 166, 186 газеты «Порядок». — прим. В. П.):

К 1-му декабря 1880 года, когда Скобелев нашел нужным занять Егиан-Батыр калу (впоследствии Самурское), военный [851] госпиталь на 200 кроватей еще не прибыл в Баши, также как не прибыли еще и дивизионные лазареты 10-й и 21-й дивизии. Между тем, следовало ожидать раненых, и потому, «Красному Кресту», находившемуся на месте, естественно выпала роль в передовой линии, а не в тылу, как оно предполагалось сначала. В силу этого, в Баши сформировали околотов на 30 больных и под названием самурского батальонного лазарета двинули в Егиан-Батыр калу. С этим же отрядом отправился и первый перевязочный пункт, под заведованием доктора Щербака, при 2-х санитарях, с обозом, состоявшим из 10-ти однокошек и 4-х фургонов.

4-го декабря, отряду доктора Щербака уже выпала работа, так как он же сопровождал войска в первую рекогносцировку Денгли-Тепе и работал все время в сфере неприятельского огня. Из 22-х раненых в этом деле 16 на другой день были отправлены в Баши на однокошках отряда. Но подобная эвакуация представляла значительную опасность при полной необеспеченности нашего тыла, и требуя конвоя, не могли происходить безостановочно и не позволяла отправлять назад трудно раненых. Поэтому, сформированному в Баши лазарету общества предложено было развернуться на 50 мест в укреплении Келяты в 16-ти верстах от Самурского, 50 мест оставить в Баши и устроить также в Дуруне лазарет на 50

кроватей, а в Арчмане ночлежно-питательный пункт с 25 койками. Кроме того, к организованному уже перевалочному пункту доктора Щербака прибавлено было еще два, под заведованием доктора Малиновского. Распоряжения эти были выполнили к 12-му декабря, когда транспорту Малиновского прямо с дороги пришлось скакать на поле сражения, так как в этот же день происходила вторая рекогносцировка местности вокруг Денгли-Тепе.

13-го декабря, по приказанию Скобелева, лазарет общества на 100 кроватей был переведен из Келяты в Самурское, так что с 1-го до 17-го декабря все попечение о раненных и больных отряда сжало на личном составе персонала «Красного Креста».

17-го декабря, прибыл отрядный врач Гейфельдер и с ним военный госпиталь. Но тем не менее на рекогносцировку 18-го ходил доктор Малиновский со своими санитарями.

Во время штурма 20-го декабря на укрепления Янги-Кала, перевязочные пункты «Красного Креста» следовали при колоннах Куропаткина и Козелкова, а при резерве Скобелева находился военно-госпитальный перевязочный пункт и лазарет «Красного Креста». По занятии Янги-Калы, был устроен смешанный лазарет из материальной части и персонала как военного госпитального, так и общественного, и к этому же времени были вызваны под крепость графиня Милютяна и Стрякова, так как что раненных стало значительно возрастать. [852]

Когда решено было выписать сестер вперед, то никто в отряде не мог предполагать, чтоб неприятель был настолько смел и решился атаковать каши войска и лагерь, как это было 28-го и 30-го декабря и 4-го января. Полагали напротив, что при передовом отряде сестры не могли бы подвергаться большей опасности, чем на всяком другом пункте в тылу, так как большая часть войск была стянута вперед и крепости защищались слабыми гарнизонами. Но и после этих атак нельзя было раскаиваться в том, что сестры обречены были находиться между жизнью и смертью в течение трех недель. Присутствие их в лагере и неустанная работа днем и ночью под пулями имели громадное значение.

Во всех делах 21-го, 22-го и в злосчастном деле генерала Петрусевича 23-го декабря, перевязочный пункт был от «Красного Креста». В Янги-Кала смешанный лазарет оставался до 29-го, т.е. до дня, когда, по приказанию Скобелева, ему пришлось вместе с лагерем передвинуться во вторую параллель.

28-го декабря, во время атаки текинцев на траншею, на перевязочном пункте находились фельдшер, санитар и десять санитаров-носильщиков. Видя наступающего неприятеля уже на площадке внутри траншей, они схватили ружья, приготовившись защищаться, но пункта не покинули, даже когда увидели себя обойденными. При первых залпах начавшейся атаки, пять дежурных одноколок были немедленно отправлены из лагеря на подкрепление к стоявшим у параллели. Доктора Щербак и Малиновский бросились в траншею. Когда они прибыли на место, атака отбита еще не была, и они оказались единственными врачами, дававшими первую перевязку в момент ранения. Хладнокровием и распорядительностью особенно

отличились, кроме врачей, ротмистр Максимов, под руководством которого, менее чем в час после отбития атаки, не только раненые, но и убитые были подобраны и доставлены в лагерь.

В лагере в лазарете работы продолжались до 6 часов утра, причем много дела выпало и на долю сестер Милютиной и Стряковой. В эту ночь врачебный персонал вовсе не ложился спать, так как, закончив перевязку к 7-ми часам, тотчас же принужден был заботиться о перенесении лазарета вперед. К 12 часам лазарет был уже перенесен и развернут на новой стоянке; раненые размещены и накормлены; склад и пункты приведены в порядок.

В три часа пополудни 29-го же числа, Куропаткин начал штурм Великокняжеской, и «Красному Кресту» выпала новая работа и новые опасности. Вместе со штурмующей колонной отправился ротмистр Максимов, взяв с собою санитаров с носильщиками для уборки раненых и доставления их на перевязочный пункт, находившийся по близости в траншее. Во время штурма один из [853] санитаров ранен. Войдя с первыми солдатами в неприятельское укрепление, г. Максимов стал с санитарями подбирать убитых и раненых. Восемь тяжело раненых, поднятые санитарями, под сильным перекрестным неприятельским огнем, были доставлены первыми в ближайшую траншею, а оттуда на перевязочный пункт «Красного Креста». При этой переноске один из санитаров был убит и два ранены.

Раненых и штурмующих мучила жажда, и потому ротмистр Максимов, взяв из траншеи бочонок воды и несколько бутылок вина, вторично пошел в Великокняжескую, но так как при этом нужно было пробежать открытым местом в 50-ти саженьях от крепости, то из сопровождавших его охотником один был убит наповал. Бой шел жарко, в осажденных калах убитые и раненые падали десятками; санитары с самоотвержением выносили их на перевязочный пункт и под огнем бегали за водой к ручью, при чем текинские пули были их и разбивали в их руках бутылки.

С наступлением сумерек, все раненые доставлены на перевязочный пункт «Красного Креста». При переписке их шесть санитаров ранена и двое убиты.

30-го декабря, перевязочный пункт из соединительной траншеи переведен в Великокняжескую калу. С наступлением ночи, когда неприятель сделал свою вылазку из крепости, оставшаяся в лагере при складе и лазарете прислуга и конюхи вооружились топорами, кольями, лопатами, и не теряя присутствия духа, ожидали с минуты на минуту появления в наших владениях неприятеля. Но неприятель был вовремя отбит. Перевязка, размещение и кормление доставленных раненых продолжались до семи часов утра следующего дня. В восемь же часов, по приказанию временно-командующего войсками, госпиталь подвинулся еще вперед, к самым траншеям, и расположился в 800 шагах от стен крепости. Тут в течение 12 дней весь лагерь находился под меткими выстрелами из крепости, так что оставаться в траншеях было безопаснее. Особенно привлекали на себя внимание два больших намета, в которых помещался склад «Красного Креста». Вероятно, текинцы воображали, что в них живет Скобелев, и потому осыпали их днем и ночью пулями, отчего площадка, которую занимал склад и персонал общества, считалась самым опасным местом в лагере.

Во время нападения 4-го и 5-го января, перевязочные пункты находились также на передовой линии; с этого времени лица врачебного персонала спали урывками и притом не раздеваясь, так как ежеминутно приносили какого-нибудь раннего из передовых траншей.

12-го января, во время штурма, при колонне полковника [854] Куропаткина находился перевязочный пункт № 1-й. На левом, при колонне полковника Козелкова, пункт № 3-й. Перевязочный пункт № 2-й военно-медицинского ведомства помещался в тылу первых двух.

После взрыва мины, вслед за штурмующей колонной направился и перевязочный пункт № 1, который в первый момент штурма расположился у плотины, в 40-ка шагах от крепостного рва, и быстро сделал перевязку оказавшимся там раненым. В следующий момент боя перевязочный пункт передвинулся к самому рву у бреши, где было перевязано 73 человека.

На левом фланге, перевязочный пункт № 3-й расположился в первый момент штурма в передовой траншее, а потом основался на самой стене крепости в бреши, пробитой артиллерийскими снарядами. На этом пункте было перевязано 45 человек.

Вечером 12-го, по уборке своих раненых и после перенесения лазаретов на площадку между Великокняжеской и стенами крепости, а также 13-го и 14-го января, врачи Малиновский и Щербак перевязывали раненых текинских женщин и детей, которых оказалось свыше 300.

За все время деятельности отряда в Закаспийском крае, через лазареты «Красного Креста» прошло до 2,000 раненых и больных воинов, т. е. 4/5 из общего их числа, причем за 6 с половиной месяцев отрядом израсходовано 91,199 р., из собственных средств общества. Так доблестно работали, так самоотверженно жертвовали во имя святого подвига любви и сострадания люди, добровольно взявшие на себя обязанности санитаров отряда. Сколько раненых обязаны им жизнью, скольких из них они избавили от мучений и медленной смерти! Но, очевидно, что кроме того, самое их присутствие благотворно действовало на нравственное состояние войска, осаждавшего Геок-Тепе. Чувствуя за собою такую поддержку и по пятам следующую помощь, русский солдат всю свою энергию и храбрость обращал к мысли о необходимой победе, уверенный, что в случае какого либо несчастья — будет кому тотчас же и перевязать его, в случае смерти — тело его ожидает честное христианское погребение. Последнюю обязанность совершал отец иеромонах Иоакимфий, бывший единственным духовным лицом в отряде. Добросовестно неся обязанности санитаря, он, вместе с тем, исполнял и все требы; не будь его, некому было бы хоронить убитых и умерших и напутствовать умиравших.

Вот основание, чтобы дать деятелям общества «Красного Креста» в истории завоевания Ахал-Текинского оазиса самое почетное место. Не только не проливая чужой крови, но даже унимая уже текущей ценою своей, эти люди придавали силу воинам Скобелева, личными примерами поддерживая мужество колебавшихся, безустанной работой научая не уставать и других. [855]

XI.

Золотой путь в Индию.

С падением Денгли-Тепе, война была кончена. Часть текинцев ускакала в пески, часть удалилась в Мерв. 16-го января, после 4-х дневного отдыха, Скобелев направился на Ашхабад (находящийся в 40 верстах от Геока-Тепе) и без боя занял его 18-го. Колонна полковника Куропаткина пошла в песчаную степь и сделала по ней около 350 верст, с целью детального изучения края.

С этого же времени многие текинцы стали приходить с изъявлением покорности. Сначала приходили единицы, затем уже целые группы и, наконец, явился и сам Тыкма-Сердар, чтобы положить у ног Скобелева свою саблю. Край оказался завоеванным и высочайшим повелением включен в число бесспорных владений русской короны.

Роковое предопределение истории совершилось, и мы в настоящую минуту владеем полосой плодородной земли, лежащей несомненно на золотом пути в Индию.

С незапамятных времен ищут здесь этот заколдованный путь и баснословное царство, в страну бриллиантов и холеры, в страну париев и божественных коров, в страну крокодилов, тигров, слонов и баядерок, в страну «великого могола», синонима безмерной роскоши, в страну факира — синонима безмерной нищеты и самоуничижения.

В VIII и IX веке славянские купцы проникали в Багдад, Балх и даже в Китай — Волгою и Каспийских морем, о чем свидетельствуют находимые здесь клады с монетами арабскими, индийскими и бактрийскими. Затем, за время монгольского ига, сведения об этом исчезают. В XV веке пытался проехать в Индию купец Афанасий Никитин, но доехал только до Хоросана. Позднее генуэзец Паоло Чентурионе смущал великого князя Василия Ивановича прелестями и выгодами того же золотого пути. Толкались сюда и англичане, из которых Антон Дженкинсон, в 1555 году, пробрался через Мангишлак в Бухару, а через год он же попал в Таврис, столицу тогдашней Персии. За англичанами ездили немцы и шведы, с большей или меньше неудачей. Наконец, при царе Алексее Михайловиче два раза посылали послов к великому моголу, но оба раза они не могли проехать через Персию.

В 1669 году, в Индию поехал Пазухин через Бухару и нашел, что путь этот представляет достаточные выгоды. Донесение Пазухина побудило послать, в 1675 году, к великому моголу татарина Юсупа Касимова. Касимов, хоть и добрался до Кабула, но [856] был выпровожен обратно потому, что не имел с собою товаров. Только в 1655 году с товарами доехал до Дели купец Семен Маленький, здесь распродал их, накупил индийских, нагрузил ими два корабля, но на возвратном пути умер в Шемахе.

Петр Великий снаряжал две экспедиции — одну со стороны Сибири, другую со стороны Астрахани. Второй отряд (Бековича) достиг Хивы, но здесь был изменнически истреблен хивинцами.

В 1750 году, составила даже русско-индийская компания, но деятельность ее ограничилась посылкой одного только каравана. В 1753 году, в Хиву и Бухару ездил торговать самарский купец Рукавишников, и с этого времени торговые сношения России с этими странами все усиливались, так что сумма торговых оборотов, составляя в 1773 году около 43 тысяч рублей ассигнациями, в 1867 году дошла до 53 миллионов руб. серебром (Такие цифры приведены в статье т. Анненкова, «Вестн. Европы», № 6. Но автор умалчивает, что в этих утешительных цифрах главное место принадлежит торговле с Китаем, а не с Индией и даже не с Афганистаном, куда пути еще все-таки не найдены и поныне.)...

Но путь в Индию все-таки не открывался и до сих пор составляет еще «проблему», поставленную для разрешения работе будущих поколений. Г. Анненков находит, что проблема эта уже решена проведением железной дороги от Михайловского до Кизил-Арвата. Сопоставляя между собою пути в Индию, он отдает все предпочтения дороге по вновь завоеванному оазису.

Первый путь из Фальмута в Бомбей мимо мыса Доброй Надежды имеет 18,200 верст и для прохождения требует 42 дня времени; второй из Фальмута в Бомбей через Суэц и Александрию имеет 10,500 верст и требует для проезда 24 дня. Таковы два главные морские пути. Путей же смешанных, правильнее проектированных — много, но этими путями еще никто не ездил и товаров не возил; но несмотря на это, они-то и лежат в основе всех восточных затруднений и драк за преобладание на востоке между европейскими государствами. Из этих проектируемых путей особенно замечательны четыре. Первый — от Парижа до Калькутты (Бриндизи, Суэц и Бомбей) — имеет длину 10,787 верста, второй из Скутари (Константинополь) через Евфрат и Багдад тянется на протяжении 4,170 верст, из коих 720 верст должно пройти по безводной и бесплодной степи. Третий путь — проектируемый Лесепсом и Котаром, между Парижем и Калькуттой, через Оренбург, Ташкент, Балх и Пешавар, будет иметь 10,120 верст по непрерывной уже железной дороге. Тут также придется захватить 740 верст безлюдной пустыни. Наконец, четвертый, [857] кратчайший путь между Парижем и Ширкануром (через Варшаву (?), Москву, Баку, Михайловский залив, Кизил-Арват, Серахс, Герат, Кандахар и Кветту) равняется 7,571 версте и может быть пройден в 11 — 12 дней, с небольшими морскими переездами из Баку в Михайловское. Тут, по мнению г. Анненкова, придется пройти всего 125 верст безводными степями, и то уже фактически пройденными существующей закаспийской железной дорогой.

Увлечение изобретателей — явление естественное, понятное и простительное, но увлечение г. Анненкова еще тем простительнее, что его золотой путь — действительно путь увлекательный. Положим, от эксплуатации с помощью товарных вагонов и бракованных локомотивов кое-как построенных ста верст железной дороги, без настоящего товарного движения, прямо умозаключать о возможности продолжить эту дорогу до Кветты, отстоящей от Кизил-Арвата на 3,000 неизведанных в точности верст, — несколько смело, но, помимо такой смелости, золотой путь г. Анненкова весьма может быть полезен, ограничившись даже влиянием на торговлю близлежащих ханств и поселений западного Туркестана, и частью северо-восточных

провинций Персия до Хоросана включительно. Дальнейшее же продолжение этого пути будет возможно только при существовании в пустыне Кара-Кум хороших каменноугольных месторождений, так как на бакинский или челекенской нефти далеко не уедешь, да и вряд ли шибко разъедешь. Запасы нефти кажутся громадными до тех пор, покуда продукты ее перегонки сжигаются в лампах, но раз ею начнут топить локомотивы и паровые котлы водокачалок, этого топлива, как его, по-видимому, ни много, хватит не надолго, что прямо повлияет на расчеты стоимости бухарского и хивинского хлопка (а тем более индейских товаров: корицы, ванили, кофе, рису), приведенные у г. Анненкова.

Тем, не менее, раз дорога дошла до Кизил-Арвата, разумеется, надо сделать все, чтобы дать возможность выяснить, имеют ли местное население и местные торговые интересы и традиции склонность учредить в Кизил-Арвате большой караван-сарай. С этой целью, без сомнения, нужно организовать (даже путем казенных затрат) все движение по закаспийской дороге на тех же началах быстроты, удобства и безопасности, как это принято для дорог европейских. Честное ведение дела в эту сторону может многое выяснить, многому помочь и, действительно, в конце концов, определить цену в торговом и политическом отношении сделанному отрядом генерала Скобелева завоеванию.

По нашему мнению, не особенно торопясь в Индию, где, даже после блестящей военной победы над англичанином, мы едва ли сейчас можем иметь шансы на самую скромную коммерческую победу, но приучая к своим товарам и своим торговым порядкам народности Турана и Ирана, мы, разумеется, и теперь могли бы [858] извлекать уже не малые выгоды из построенной дороги, а мало-помалу развивая свою внутреннюю производительность, помогая у себя дома работе и творчеству национального гения (в основе которого не мало родственного востоку), — мы доживем до того момента, когда коммерческая победа на равнинах Индии достанется нам без пролития крови, путем медленного, мирного завоевания симпатий потребителей к хорошим произведениям нашей фирмы.

С этой точки зрения, завоевание Ахал-текинского оазиса приобретает большую важность. Воинственное племя номадов этих пустынь померилось с нами силами и воочию убедилось в своей слабости. Оно сделало все, что было можно, что было ему доступно для сохранения своей независимости, но сила русских войск сломала его сопротивление в честном бою, после которого никогда не зазорно и так естественно слабому покориться. Покорились и текинцы, ближайшим последствием чего будет прекращение грабежей идущих на русскую железную дорогу караванов, а там — одно-два поколения, и скитальческая жизнь текинцев мало-помалу перейдет в оседлую жизнь населения больших торговых центров. Кто знает, долго ли спать этой пустыне, кто поручится, но суждено ли этот тысячелетний сон разбудить свистом русского локомотива?

Роковые пути истории неисповедимы.

Покуда, однако, золотой путь в Индостане только выясняется карандашом по карте, да еще по такой карте, где целые сотни верст ни в каком отношении неизведанны. До практического осуществления этого проектированного пути пройдет большое историческое время, в течение которого могут совершиться события, вследствие которых изменятся основы, заставляющие людей воевать из-за рынков, восточный вопрос разрешится ко всеобщему благополучию и конкуренция купцов потеряет всякую привлекательность

— вследствие доступности всех рынков со всех сторон, с помощью хотя бы воздушных шаров, управляемых сконцентрированных электричеством. До сих пор последнего еще не выдумано, но ведь и золотой путь в Индию еще не трассирован по местности! В силу таких соображений, можно хладнокровнее смотреть на «кратчайший путь» в Индию, проектированный г. Анненковым, и не позволять себе, доехав до Кизил-Арвата, воображать, что попал уже в Герах. Но не следует усиливать и скептическое отношение к пользе наших среднеазиатских завоеваний, не следует так плохо ценить и русскую силу, и русский талант, как это делают русские либеральные газеты. Если г. Анненков верит в слишком многое, то гг. Нето и Б., авторы фельетонов «Голоса», не просто не верят, но не верят презрительно. Читая их велемудрые нравоучения, так и видишь, что эти господа ни на минуту не сомневаются, что у России — суконное рыло, с которым не только не пустят в калашный ряд, но куда даже и проситься — то не следует, а уж врываться совсем [859] стыдно... Вот, например, как завершает свои прекрасные фельетоны г. Б:

«Слава Богу (!) Ахал-Текинский оазис заканчивает цикл наших завоеваний средней Азии. Далее идти нам некуда и незачем. За Ахал-Текинским оазисом начинается уже страны, которые, по своему географическому, этнографическому и политическому положению, тяготеют совершенно к другим центрам...»

Этим заканчивается описание блестящего военного, а следовательно — народного подвига! Согласитесь, что на всяком ином языке это было бы оскорблением. У нас... у нас народ, совершающий подвиги, газет не читает и, потому, не имеет возможности обижаться. Почему, спрашивается, нам идти далее некуда? Отчего трусливо предрешать, что и незачем? Наконец, какая нам забота, что за Ашхабадом начинаются страны, тяготеющие к совершенно другим (?) центром? Особенно, когда это неправда! Разве кто-либо в Англии (после блестящего похода, заметьте) позволил бы себе написать такую сентенцию, позволил бы себе сказать своему пароду «стой! далее живут люди, тяготеющие к России»? Уж, конечно, нет.

Г. Нето, автор также интересных фельетонов — «От Кабула до Геок-Тене», высказывается на этот счет еще категоричнее, еще прямее:

«Нам кажется, что ахал-текинская экспедиция была вызвана несчастным стечением обстоятельств, предупредить которые зависело в значительной степени от нас самих, К сожалению, нельзя было оставить не отмщенным поражение прошлого года, потому что нежелательно было подвергнуть опасности все наши владения в средней Азии. Только как в начале экспедиции, так и теперь, мы не должны ни на минуту опускать из вида основного положения среднеазиатской политики России: наступательное движение России в Средней Азии есть роковая необходимость, едва не несчастье, но никак не великое благо. До сих пор мы ничего не получили от наших среднеазиатских владений и завоеваний; напротив, каждый бюджетный год они стоят государственной казне огромных сумм. Становясь на такую точку зрения, нельзя не придти к убеждению, что задача нашей среднеазиатской политики должна заключаться в том, чтоб предупредить всеми средствами новые усложнения. Крайне необходимо положить конец нашему движению в нескончаемые степи и пустыни Средней Азии. Пора покончить со среднеазиатским вопросом в смысле приготовления почвы для борьбы с Англией. От такой борьбы мы, ни в каком случае, ничего не выиграем, а много потеряем».

По опыту зная, как притуплено патриотическое чувство русского интеллигента, я к этой цитате прибавлю, что несколькими строками выше тот же автор, может быть, тем же пером написал:

«Между тем как лорд Литтон, немедленно по прибытии в Индию, стал настаивать в Кабуле на принятии английского резидента, но постоянно получал самый категорический отказ, русское посольство было принято Широм-Али самым радушным образом».[860]

И когда о пребывании в Кабуле генерала Столетова, уже после подписания Берлинского трактата, возник вопрос в парламенте, то, защищаясь от направленных на него нареканий, глава английского правительства, прибавил, что:

«все приготовления России в средней Азии были совершенно законны, и если бы мы были в положении русского правительства, то наверно предприняли бы подобное же предприятие» (Г. Нето имеет на этот счет другой взгляд. На посольство Столетова он смотрит, как на величайшую нашу дерзость, за которую Англия наказала Шир-Али изгнанием, лишением власти, что и привело этого хана к смерти. Разумеется, с той же точки зрения обиженного «суконным рылом» человека, он удивляется, как Англия согласилась уступить Кабул Абдурахману, а еще более, как этот русский вскормленник и пенсионер дерзнул настойчиво требовать разделения протектората Англии над Афганистаном с Россией!).

Не ясно ли, из последних строк, что честный враг оказывается справедливее в оценке русских политических способностей, чем либеральный журналист, привыкший только к чернильным всхлипываниям и потому в действительности народной славе ничего непонимающий и меряющий исторический рост народа колебанием цен на ближайшей жидовской бирже. Мы указываем на это, по-видимому, маленькое явление потому, что в действительности оно сильно влияет на ход русской истории, более, нежели об этом где-либо полагают. Подобные же голоса сильно повлияли на остановку русского войска под воротами (на 1/4 открытыми) Константинополя, они же украсили русскую летопись Берлинским трактатом. За все это народ, столь любимый на словах этими господами, скажет им свое спасибо, когда в массе своей дорастет до выражаемого самосознания.

По-нашему, народ так же, как и каждая из его частных личностей, совсем не может и не должен заботиться только о выгодных в денежном смысле гешефтах. Кроме потребностей, у него есть идеалы, к осуществлению которых он роковым, полусознательным образом, стремится. Истории беспристрастная не может не видеть, что золотой путь, к востоку, гораздо ранее всяких европейских усложнений, искали и находили на свой личный риск и страх какой-то Никитин, какой-то Семен, да еще маленький, и это было тогда, когда нынешняя коренная по внешности южная Россия была достоянием таких же полудиких номадов, как и туркмены-теке. Что гнало этих людей в неприветливую сторону безбрежных пустынь, что заставляло платить жизнью за беспримерную отвагу, за несоразмерный риск? Желая сохранить логику, мудрецы «Голоса» на это не ответят, так же, как им же должна бы казаться непонятной вся деятельность Колумба, Каско-де-Гама, Кука, Ливингстона, Беккера и других. Положим г. Нето, указав [861] на вашу пресловутую бедность и на бездоходность наших завоеваний, комически восклицает:

«Как завидна в этом отношении Англия со своими ост-индскими владениями, которые доставляют англичанам неисчислимыя выгоды!»

Но ведь не может же он не знать, что успех этот достался не сразу, не даром, да кроме того, основанный только на выгоде, он именно потому-то и затрудняет Англию гораздо более, нежели наши бездоходные покуда завоевания.

Наконец, с точки зрения «денег», разве не всякая слава глупа, разве не всякое рыцарство забавно? Народ же живой, сильный, исторический народ, давно и для частных случаев решил, что деньги дело наживное, — тем более никогда он не поверит в свою историческую незыблемую бедность. Этот народ любит за то свою славу, чтит своих богатырей, начиная с Ильи Муромца, и в известном направлении не скупится на жертвы, если они приносятся на алтарь его настоящей истории.

Географическая карта показывает, как далеко ещё нам до Индии, но она же столь же верно свидетельствует, что до Индии от русского Ашхабада втрое ближе, чем от русской Москвы

Объяснение к ним кроется в будущем, отгадать которое с точностью мудрено. Но догадки, довольно вероятные, подсказывают, что если это будущее не вполне осуществить мечту г. Анненкова, то уже наверное посрамит и тех, кто трусливо заверяет, что в Азии нам и делать нечего, да и идти-то некуда, так как соперничество с такой важной особой, как торговая Англия, нам всегда будет не под силу да и не подстать.

Покуда же, прекраснее и утешительнее всего то, что к истории русских подвигов прибавилась маленькая, но красноречивая, блестящая страница; к русским славным именам — еще одно славное имя, к русским народным жертвам — еще не одна сотня жертв, над честным прахом которых, мы обязаны поверить силе и разуму народа, их принесшего.

В. П

Текст воспроизведен по изданию: Завоевание Ахал-текинского оазиса. (Исторический очерк) // Исторический вестник. № 8, 1881